
Глава 10

СТАЛИН И КИТАЙ

1. Сталин и Мао: мимолетные сопоставления

Прежде чем непосредственно перейти к рассмотрению столь обширной и достаточно противоречивой проблемы, какой является политическая стратегия Сталина в отношении Китая, причем, главным образом, накануне и после провозглашения Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г., думается было бы полезно провести некоторые, пусть и слишком субъективные и порой слишком поверхностные сопоставления этих двух государственных и политических деятелей прошлого века. Это, возможно, будет способствовать лучшему пониманию политики советского лидера в отношении Китая. Поскольку через призму личных качеств обоих руководителей двух крупнейших государств мира порой можно уловить некоторые особенности и тонкости их политического курса, взаимоотношений двух государств и того, как все это отразилось на развитии послевоенной ситуации в международных отношениях в ту эпоху, когда они стояли у руля правления.

Сразу же оговорюсь, что я преследую довольно скромную цель – остановиться лишь на некоторых особенностях политической философии того и другого, отметить черты сходства и серьезных отличий в их политическом мировоззрении и в политической практике. Пусть читатель не будет слишком суров, если ему мои сопоставления покажутся легковесными или же малодоказательными, не говоря уже о возможно тенденциозной их направленности.

С самого начала следует отметить как совершенно очевидный и неоспоримый факт, что оба эти деятели являли собой политических и государственных руководителей не только национального, но и мирового масштаба. Хотя к Сталину это относится в большей мере, чем к Мао Цзэдуну. По крайней мере, до того периода времени, когда Китай вышел на широкую международную арену и не на словах, а на деле стал играть роль одной из великих держав современности. Этот процесс начался для Китая гораздо позже, чем для Советской России. Естественно, и для китайского лидера тоже.

Начну с того, что, на мой взгляд, является общим для них обоих. И Сталин, и Мао были коммунистами, придерживались одной и той же марксистско-ленинской теории и идеологии. Это, казалось, должно было их объединять и сплачивать, помогать легче находить общий язык при решении возникавших между ними проблем. Однако многие исследователи жизни и деятельности этих двух корифеев марксизма-ленинизма XX века с серьезными основаниями проводят если не пропасть, то глубокую линию различий в интерпретации марксистской теории и практики как со стороны советского, так и китайского лидера.

Я не намерен вникать в суть этой важной проблемы, поскольку она представляет собой предмет самостоятельного исследования. Подчеркну лишь, что условно марксизм Сталина можно определить как более или менее приближаю-

щийся по своим исходным параметрам к классическому марксизму. Тогда как марксизм Мао Цзэдуна по целому набору параметров существенно отличается от классического марксизма. Иными словами, и Сталин, и Мао были марксистами, но марксистами отнюдь не одного толка. Это было обусловлено прежде всего и главным образом объективными условиями стран, в которых им приходилось действовать. Во-вторых, поле политической и государственной деятельности Сталина носило, будто сказано без всяких натяжек, поистине глобальный международный характер. Тогда как Мао сформировался как политический и государственный деятель преимущественно национального плана. Последнее мое замечание не стоит интерпретировать таким образом, будто таковым он и оставался после выхода КНР на международную арену.

По своим геополитическим воззрениям Stalin соединял в себе качества как "западника", так и "восточника". Поле его международной деятельности простиралось преимущественно на Западе. Хотя и проблемам Востока он уделял серьезное значение, о чем я уже писал во втором томе книги. Но тем не менее, все же Запад и отношения со странами Запада занимали в его политической философии и практической политике доминирующее место. Временами, когда обстановка на Дальнем Востоке осложнялась в связи с ростом агрессивных пополнений со стороны японского милитаризма, в центре внимания советского лидера оказывались в силу естественных причин проблемы, связанные с Дальним Востоком и Китаем, в частности. Но, если говорить обобщенно, то он стремился уравновешивать в своей деятельности как западную, так и восточную сферы интересов и забот. Суммируя, можно сказать, что Stalin являл собой образец геополитика всемирного масштаба. Это в конце концов подтвердила вся его государственная и политическая деятельность.

Что касается Мао Цзэдуна, то его также необходимо причислить к политикам широкого международного профиля, ибо он не мог не быть таковым, возглавляя великую державу, какой являлась Китайская Народная Республика. Но вся история его политической жизни имела своим истоком национальные китайские условия. Тем самым я не хочу сказать, что он страдал узким национализмом, хотя удельный вес национальных, а порой и националистических взглядов в его идеальном и политическом багаже был весьма ощутимым. Сформировавшись прежде всего как политик национального масштаба, он в ходе дальнейшего развития далеко перешагнул эти рамки, но все же не сумел до конца освободиться от некоторых своих издавна укоренившихся взглядов и подходов.

Как национальный политик, он считал главной целью своей жизни одно, но самое важное — чтобы китайский народ поднялся, наконец, с колен. В связи с образованием КНР он заявил, что "китайский народ отныне встал во весь рост, и будущее нашей нации безгранично светло"¹. Именно благодаря реализации этой вековечной мечты китайского народа, Мао Цзэдун навсегда обеспечил себе почетное место в истории своей страны, да и мира в целом.

Однако задача национального возрождения Китая была лишь составной частью общей политической философии Мао. Как приверженец марксистско-ленинской теории он считал основной целью построение нового общественного строя социализма, и этому он посвятил свою жизнь. И здесь его пути, как говорится, пересекаются с путями Сталина. Оба они ратовали за созидание нового

¹ Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. V. Пекин. 1977. С. 18.

общественного строя, но, в сущности говоря, в подходах к решению этой проблемы у обоих было больше различий, чем сходства.

Несколько сумбурно остановлюсь на этом вопросе. Stalin придерживался классической марксистской теории о руководящей роли рабочего класса в революции. Mao также публично не выступал против этого аксиоматичного тезиса, но в своей политической деятельности делал ставку не на рабочий класс, а на крестьянство. И это можно было не просто понять, но и согласиться с ним в принципе, поскольку рабочий класс в стране был относительно слаб и его влияние на судьбы страны было в целом ограничено. Mao с самого начала своей деятельности не скрывал своих принципиальных взглядов, вследствие чего не раз подвергался партийным наказаниям, выводу из различных руководящих партийных и военных органов. Его ставка на создание крестьянской армии и постепенное окружение города деревней в конечном счете оказалась правильной.

Еще в 20-х и в середине 30-х годов (а если быть точным, то и позднее) Mao и его сторонники подвергались за свои взгляды серьезной критике со стороны Коминтерна. Разумеется, не без активного участия самого Сталина, слово которого в таких вопросах было решающим. В конце 20-х годов в Китай была направлена группа подготовленных в Москве коммунистов, которая, по мысли Сталина, должна была исправить неверную политическую стратегию Компартии Китая. В верхах началась непрерывная борьба, часто переходившая в склоки. Вооруженные силы КПК в результате ряда карательных походов гоминдановских войск потерпели серьезные поражения и в конце 1934 года вынуждены были начать "великий поход" из юго-восточных провинций на Северо-Запад. Поход длился больше года. Армия несла тяжелые потери, как считал Mao, из-за неправильной военной и политической линии. В итоге в январе 1935 года в местечке Цзуньи состоялось расширенное совещание, завершившееся фактическим переходом власти в руки Mao и его сторонников. Так называемые "московские большевики" потерпели фиаско. Отныне Mao стал, если не полновластным, то первым среди китайских руководителей. Ему еще потребовалось некоторое время, чтобы полностью упрочить свои позиции, окончательно разгромить противников и установить в партии власть, если не равную сталинской, то напоминающую ее. Позднее, во время секретной поездки A. Микояна в Китай в начале 1949 года, Mao жаловался посланцу Сталина, "как тяжело ему было бороться против левого и правого уклонов, как партия была разбита и армия была разгромлена из-за деятельности Van Mina, которого поддерживал Коминтерн, как потом удалось исправить ошибки, как фракционеры уничтожали кадры китайских коммунистов, и что он сам едва жив остался, его арестовывали, исключали из партии, хотели уничтожить".²

Как видим, оба вождя утверждали свою власть и свою политическую философию в жесткой и непримиримой борьбе со своими оппонентами. Противникам Mao не помогло и то, что их поддерживал исполком Коминтерна: в конце концов реалии жизни брали верх над всеми другими соображениями.

Stalin из Москвы, конечно, внимательно следил за тем, что происходило в верхушке КПК. Но он, очевидно, считался с тем, что Mao пользуется хорошей репутацией и авторитетом в партийных кругах не только из-за своих личных качеств, а, главным образом, благодаря тому, что ему удалось увести силы армии

² Советско-китайские отношения. Т. V. 1946 – февраль 1950. Книга 2. 1949 – февраль 1950. Документы и материалы. М. 2005. С. 339.

и партии от разгрома. Конечно, Сталин не мог не испытывать недоверия и сомнений в отношении крестьянского уклона, присущего китайскому лидеру. Характерно, что даже в январе 1946 года в беседе со специальным посланцем Чан Кайши – Цзян Цзинго – его сыном, а в дальнейшем преемником – счел возможным так высказаться по поводу Мао Цзэдуна: “Мао Цзэдун – своеобразный человек и своеобразный коммунист. Он ходит по деревням, избегает городов и ими не интересуется”³.

Характерно, что советский лидер дает столь нелестную характеристику коммунисту Мао не кому-нибудь, а самому сыну Чан Кайши. Видимо, степень его недовольства тогдашними действиями китайских руководителей была столь велика, что он не счел нужным скрывать своих мыслей. Возможен и другой вариант: Сталин сознательно стремился убедить представителя гоминдана, что он, Сталин, не испытывает к Мао доверия, чтобы таким способом как бы расширить свои возможности для дипломатических маневров и сыграть более активную роль в урегулировании разгоравшегося тогда конфликта между КПК и гоминданом. По крайней мере, данный факт весьма симптоматичен, тем более что в литературе о Мао встречаются весьма нелестные оценки Сталиным качеств китайского лидера как не внушающего доверия деятеля, на долю которого выпала задача непомерной важности и тяжести – руководить революционным движением в такой огромной и сложной стране, как Китай. Но все это всего лишь домыслы, а может быть, и факты – судить об этом трудно. По крайней мере, приходится сталкиваться порой с диаметрально противоположными характеристиками.

Пока в основном речь шла о различиях в политических воззрениях и в методах политики. Но было немало и общего у обоих государственных и политических деятелей. Мао, как и Сталин, был авторитарным лидером, он практически всегда стремился навязать свою точку зрения на тот или иной вопрос. Его голос был решающим – разумеется, при соблюдении псевдodemократического декорума. В отношении своих политических противников как в партии, так и вне ее, он использовал методы собственного изобретения. Он не устраивал публичных процессов, на которых его оппоненты должны были признавать свою вину и нести соответствующее наказание. Его больше привлекали многомесячные, а то и длившиеся годы политические и идеологические кампании, в ходе которых тех, кто не разделял взглядов Мао или просто высказывал свое мнение, подвергали беспрерывным политическим кампаниям. Во время этих кампаний мнимые “виновники” тем или иным способом вынуждались к признанию своих ошибок и подвергались карам различной степени – чаще всего ссылкам на трудовое перевоспитание, что мало чем отличалось от сталинских лагерей. Как видим, китайский великий кормчий и здесь внес свою оригинальную лепту. В последующем в ходе великих кампаний, которые в Китае развернулись уже после смерти Сталина, методы и искусство уничтожать своих политических противников (да и не только их, поскольку жертвами оказались буквально миллионы) стали особенно жестокими и изощренными. Истории еще предстоит дать ответ на вопрос: чьи методы по своей беспощадности и мучительности были более антигуманны – сталинские или маоцзэдуновские. Как говорится, хрен редьки не слаше.

Иными словами, репрессии в самых различных формах постоянно и охотно использовались обоими вождями и стали неотъемлемой чертой их режима. На-

³ Цит. по А.М. Ледовский. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий. 1937–1952. М. 1999. С. 30.

силие было для них орудием политики, а не отступлением от принципов морали. В этом они мало разнились. В политической борьбе оба отличались гибкостью, pragmatizmom, умением использовать слабые стороны оппонентов. Политика и для Сталина, и для Мао была не просто искусством возможного, а орудием достижения максимально возможного.

В данном контексте мне хочется привести оценку, исходящую из уст Н.Т. Федоренко – в конце 40-х – начале 50-х годов личного переводчика Сталина – во время переговоров советского вождя с китайским лидером. Он в одном из интервью дал следующую характеристику, оттенив элементы сходства между обоими вождями:

“Постепенно Сталин увидел в Мао действительно “кормчего”, с такими же, как у него, диктаторскими приемами, с той же навязчивой идеей искать врагов... даже среди друзей. Та же ревность к чужой славе, нетерпимость в борьбе за лидерство, та же жестокость, железная хватка, когда для достижения цели все средства хороши.

В конечном счете, приезд Мао в Москву окончательно убедил Сталина в том, что Мао – личность сильная, властная, творческая, перспективная.

Мао Цзэдун действительно был гроссмейстером в своем деле. Просчитывал все ходы в разыгрываемой партии. Он понимал и держал на вооружении “железную логику” Сталина, открытую и замаскированную. Возвеличивая Сталина, он возвеличивал себя. Возводя памятники Сталину, он думал о монументах себе⁴.

Некоторые считают, что оба лидера были весьма упрямые и мало поддавались аргументам оппонентов. Про Сталина этого определенно сказать нельзя, ибо он частенько шел на компромиссы и даже искусство достижения выгодных компромиссов почитал как ценное качество государственного и политического деятеля. Вся политическая судьба Сталина как бы соткана из компромиссов, заключая которые он, как правило, оказывался в выигрыше. Речь идет как о вопросах внешней политики, так и в меньше степени о вопросах политики в различных сферах жизни государства.

Относительно Мао можно сказать, что и ему отнюдь не было чуждо искусство компромиссов. Он нередко использовал это орудие в своей политической и государственной деятельности. Однако все же склонности к компромиссным решениям у Мао было меньше, чем у Сталина. Я не берусь сейчас иллюстрировать свои мимолетные сопоставления конкретными фактами, поэтому они могут восприниматься как голословные утверждения. Однако в ходе изложения материалов главы будет возможность фактами подтвердить данные оценки.

Другим существенным (реальным или действительным – это еще вопрос) различием в политической философии двух лидеров являлось отношение к интернационализму и – как обратная сторона данного вопроса – отношение к национализму. Изначально Stalin последовательно выступал в качестве интернационалиста, однако по мере того, как размах революционного движения становился все более скромным и на победу мировой революции не оставалось никаких надежд, Stalin радикально (разумеется, не публично, а своими практическими действиями) постепенно, шаг за шагом, дал такое толкование интернационализма, которое, по существу, приравнивалось к безоговорочной поддержке Советской России как реальному завоеванию нового общественного строя, как базе мирового социализма. Поддержка базы мирового социализма стала реаль-

⁴ “Аргументы и факты”. № 41. 8 октября 1998 г.

ным критерием верности марксистско-ленинскому учению и идеям революции. Иначе говоря, интернационализм становился инструментом геополитической стратегии Сталина. Подобная трактовка интернационализма чем-то отдавала национализмом, даже великодержавным национализмом. Однако в конкретных условиях того времени подобная интерпретация отвечала не только национальным интересам СССР, но и развитию коммунистического и революционного движения в мире в целом. В том числе, разумеется, и на Востоке. Поэтому многие коммунисты с ним мирились и считали его правильным.

Что касается Мао Цзэдуна, то идеи интернационализма всегда находились у него на втором плане, и если он о них говорил, то, как говорится, ради декорума, чтобы показать себя последовательным марксистом и коммунистом. На деле же его национализм лежал в основе всей его политической философии, за что осудить его не поднимется голос. Ведь весь смысл, вся политическая деятельность Мао концентрировались на освобождении Китая от оков колониализма, остатков феодализма и господства компрадорской буржуазии. Конечно, это была великая национальная цель. Но она включала в себя и глубокое интернациональное содержание, ибо подрывала основы старого мироздания и способствовала развитию революционного движения.

В общении с советскими коммунистами в сталинский период Мао Цзэдун всячески старался не только не вытягивать своих заслуг как лидера и теоретика Коммунистической партии Китая, а, напротив, не упускал случая продемонстрировать свою несопоставимость со Сталиным как классиком. Так, он не раз подчеркивал, что “он только ученик Сталина, что он не придает значения своим теоретическим работам, так как ничего нового в марксизме он не внес и проч.”⁵. Микоян, которому были адресованы эти слова, чтобы он соответствующим образом проинформировал Сталина, прекрасно раскусил восточную хитрость Мао и проанализировал его показную скромность так: “Это, я думаю, восточная манера проявления скромности, но это не соответствует тому, что на деле Мао Цзэдун собой представляет и что он о себе думает”⁶.

Китайский лидер настойчиво стремился выделить заслуги Сталина в развитии мирового революционного движения, в помощи китайской революции, и особенно в разработке теоретических проблем марксизма-ленинизма. Мао неоднократно и даже назойливо подчеркивал, что “Сталин не только учитель народов СССР, но и учитель китайского народа и народов всего мира. О себе Мао Цзэдун сказал, что он ученик Сталина и не придает значения своим теоретическим работам, что они только претворяют в жизнь учение марксизма-ленинизма, ничем его не обогащая.

Более того, он лично послал на места строгую телеграмму, запрещающую называть его фамилию вместе с фамилиями Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, хотя об этом ему приходится спорить со своими ближайшими товарищами”⁷.

Убедительным доказательством того, что Мао Цзэдун здесь явно лукавил, служит тот факт, что на протяжении ряда лет в КПК проводилась кампания по китайизации марксизма-ленинизма, по популяризации Мао в качестве основоположника идей нового типа марксизма-ленинизма. Эта работа была закончена к 1945 году после завершения так называемого движения за исправление стиля.

⁵ Советско-китайские отношения. Т. V. 1946 – февраль 1950. Книга 2. С. 342.

⁶ Там же. С. 342.

⁷ Советско-китайские отношения... Т. V. 1946 – февраль 1950. Книга 2. С. 343.

VII съезд КПК, проходивший в 1945 году, накануне завершения антияпонской войны, закрепил итоги кампании по "китаизации марксизма". Центральный печатный орган КПК в статье, посвященной VII съезду КПК, особо подчеркивал: "...Самое важное историческое значение съезда состоит в том, что идеи товарища Мао Цзэдуна единодушно приняты всей партией как направляющие идеи партии, как указатель для всей работы партии. Новый устав партии в разделе "Основные положения программы" зафиксировал, что "Коммунистическая партия Китая во всей своей деятельности руководствуется идеями Мао Цзэдуна — идеями, соединяющими теорию марксизма-ленинизма с китайской революционной практикой". "В этом общем положении, — указывалось далее в статье, — четко и ясно изложено содержание идей Мао Цзэдуна. За 24 года, пройдя испытания в трех революционных войнах, наша партия создала этот китаизированный марксизм, полностью соответствующий китайским условиям, и нашла выразителя его в лице товарища Мао Цзэдуна"⁸.

Сталин, разумеется, был прекрасно осведомлен о процессах, протекавших в компартии такой огромной страны, как Китай. И можно предположить, что он отнюдь не равнодушно отнесся к появлению еще одного классика революционного учения хотя бы в виде китаизированного марксизма. Хотя открыто выступить против этого он не мог, тем более, что китайские лидеры неизменно подчеркивали, что речь идет лишь о том, чтобы лучше, в полном соответствии с национальными особенностями, на практике использовать революционную теорию.

Одним словом, Сталин, давно уже причисленный к разряду великих теоретиков марксизма-ленинизма, видимо, с чувством недоверия относился к уверениям Мао в его скромности и тому, что он никак не причисляет себя к теоретикам. Да, откровенно говоря, Сталин в период войны был настолько поглощен военными и иными делами, что у него не оставалось времени, чтобы всерьез проанализировать амбициозные претензии китайского вождя на роль чуть ли не классика научной теории коммунизма. Сталин был безоговорочно убежден в том, что из всех деятелей коммунистического движения только он по праву причислен к лицу коммунистических святых, т.е. объявлен классиком марксизма-ленинизма.

Нет смысла гадать насчет того, как бы развивались отношения между двумя вождями в этой сфере, если бы Сталин прожил дольше. По крайней мере, определенные проблемы бы возникли. Но в тот период на первый план выходили совсем другие, гораздо более актуальные и жизненные вопросы, решению которых Сталин должен был уделять первостепенное внимание. И Мао, конечно, учитывал ситуацию, постепенно возвышая свой статус в коммунистическом мире.

Такова, на мой взгляд, диалектика сочетания и сопоставления интернационализма Сталина и национализма Мао Цзэдуна. В этом сочетании проглядывают явные черты сходства, так и различия. К тому же надо подчеркнуть, что в своем чистом виде понятия, о которых идет речь, случаются разве что в абстрактной теории, а не в реальной общественно-политической жизни. Особенно в периоды резкого обострения общественной и политической борьбы как в национальных рамках, так и на международной арене. А эпоха этих двух вождей как раз и была эпохой самого острого противостояния различных сил в мире и в отдельных странах. Истины ради, следует отметить, что китайские руководители не раз (в закрытом порядке, а затем и публично) ставили в вину Москве, что она подменяет интернационализм политикой установления своей гегемонии. Обнаженно эти

⁸ "Цзифан жибао", 14 июня 1945 г.

обвинения стали звучать после смерти Сталина, в период так называемой “великой полемики”.

Нельзя не отметить, что китайские лидеры относились к Сталину с уважением и почтением, что, однако, не вело к их безоговорочному одобрению всех подходов Сталина к мировым делам, в первую очередь к вопросам китайской революции. В 1960 году эту позицию китайского руководства вполне однозначно, хотя и в довольно взвешенных выражениях, сформулировал Чжоу Эньлай. Он писал: “Пересматривая деятельность Коммунистического Интернационала, мы должны придерживаться всестороннего подхода. Stalin нес главную ответственность за все на протяжении длительного отрезка времени, и в это время было допущено много недостатков и ошибок. Но не все, что делалось в тот период, являлось ошибочным. Даже во второй период существования Интернационала, в последние годы жизни Сталина, он делал многое для того, чтобы способствовать развитию, а не затуханию революционного движения. Когда его ошибки становились очевидными, он проявлял готовность изменить свое мнение. Если мы будем стоять на почве фактов, мы должны придерживаться своих взглядов и безоговорочно признать его ошибки. Например, он сомневался, являлся ли мы подлинными марксистами и готовы ли мы противостоять империализму, но он изменил свое мнение в период корейской войны. Так что Stalin был разумным политиком. Это верно, что он допускал ошибки в вопросах китайской революции, но китайские товарищи несут гораздо большую ответственность за ошибки, совершенные во время революции, потому что мы были решающим фактором. Более того, мы полностью осознали это и исправили свои ошибки, и наша революция в конечном счете завершилась успехом”⁹.

Проблема отношений Сталина и руководства компартии Китая обширна и многогранна, и ее невозможно осветить, как говорится, на нескольких страницах. Тем более, что это выходит за непосредственные рамки моей задачи. Но одно замечание все-таки хочется сделать. В период “большой полемики” многие советские историки (в том числе и я лично) делали несоразмерно сильный акцент на проявления национализма со стороны маоистского руководства. Упреки в великодержавном шовинизме звучали яростно с обеих сторон. С нашей стороны явно недооценивались национальные особенности и своеобразие обстановки в Китае как в период борьбы за власть, так и в период строительства нового общественного уклада. Нам казалось, что чуть ли не все должны повторять наш опыт – как опыт достижений, так и опыт крупных, порой непоправимых ошибок.

А между тем, простая логика и здравый смысл подсказывали, что глупо было цепляться за многие устаревшие доктрины и аксиомы марксистского учения. Нельзя было ставить эти доктрины выше общественной практики и потребностей прогрессивного и эффективного развития общества. Фактически с нашей стороны, обвинениями лидеров компартии Китая в национализме мы как бы отгораживались русским бамбуковым занавесом от жизненных реальностей.

Но все это стало ясно с течением времени. В годы же Сталина господствовали иные критерии и иные оценки. Поэтому взгляды Сталина по китайскому вопросу и краткий анализ происходивших тогда событий, в том числе и критику китайского руководства со стороны советского вождя, нужно рассматривать не с высоты нынешнего положения дел, а в органической взаимосвязи с реальными условиями того времени. Иначе получится не правдивое отображение истори-

⁹ Zhou Enlai. Selected Works. Vol. II. Beijing. 1989. p. 308.

ческой правды, а картина, сотканная из правды и полуправды, из объективных фактов и тщательно отобранных фактов. Ценность таких оценок весьма сомнительна.

Вообще говоря, сравнивать таких похожих друг на друга и таких разнящихся друг от друга государственных и политических деятелей – задача не просто трудная, но порой даже чреватая опасностью делать поверхностные умозаключения и выводы. Однако даже беглое сопоставление политической философии Сталина и Мао Цзэдуна дает картину, передать которую может не черная или белая краска, а вся гамма красок.

2. Китай в geopolитических расчетах Сталина

Политическая философия Сталина включала в себя в качестве неотъемлемого органического компонента и geopolитические аспекты. Причем следует подчеркнуть, что эти geopolитические аспекты, как и в целом вся политическая философия, не находились в статичном состоянии, а постоянно развивались, обогащались новым содержанием с учетом реальных изменений как внутри страны, так и на мировой арене. Квинтэссенцией geopolитических взглядов вождя была выработка и практическая реализация такого курса на международной арене, который бы в наиболее эффективной и широкой форме отражал задачи упрочения позиций Советской России как на Западе, так и на Востоке. Естественно, с изменением обстановки в мире изменялись и внешнеполитические приоритеты, на осуществление которых направлялись главные усилия страны.

Читатель, конечно, понимает, что главные внешнеполитические приоритеты как перед войной, так и вскоре после ее завершения, находились на Западе, в первую очередь в Европе. Однако Советская Россия, как страна одновременно и европейская, и азиатская, постоянно держала в поле своего внимания проблемы Востока. Отсюда, конкретно со стороны Японии, исходила главная угроза ее национально-государственной безопасности. Поэтому восточная проблематика всегда являлась одной из приоритетных задач, находившихся в поле внимания Сталина.

Если излагать вещи предельно просто, даже упрощенно, то на первом плане стояла задача не дать вовлечь себя в войну с Японией, имея в виду, что с Запада нависала прежде всего германская опасность. Stalin делал все возможное, чтобы избежать войны на два фронта. Здесь требовалась особая стратегия, ключевым звеном которой выступало установление дружественных отношений с Китаем. Самая населенная страна в мире в межвоенный период переживала тяжелые времена: с одной стороны, она стала объектом прямой японской агрессии, которую тем или иным способом подталкивали или содействовали ей США и другие западные державы. Они исходили из того, что если Япония завязнет с осуществлением своих милитаристских планов в Китае, то это будет соответствовать западным интересам.

Вместе с тем, внутренняя ситуация в Китае характеризовалась крайней нестабильностью, борьбой между различными военными группировками, но главное – в ней развертывались, то затухая, то обретая большой размах, акты гражданской войны. Гоминьдан стремился уничтожить компартию и установить свое безраздельное господство. Stalin в данной ситуации должен был учитывать чрезвычайно противоречивую и сложную совокупность факторов: с одной стороны,

он должен был оказывать помощь китайским коммунистам, с другой стороны – он не мог допустить того, чтобы отношения между СССР и гоминьдановским Китаем стали реально или потенциально враждебными, поскольку Сталин в Китае видел естественного союзника и партнера в борьбе против Японии. Приходилось, таким образом, проводить тонко взвешенную политику, чтобы не испортить отношения со всеми участниками этой сложной политической игры. Но в конечном счете главную ставку Москва делала на Китай, поскольку наверняка знала, что Япония не остановится в расширении масштабов своей агрессивной политики. Определенным плюсом для Сталина выступало то, что японские правящие круги стремились и к захвату британских колоний, что ставило их с Англией, а также разрабатывали планы войны против США. Такова в самых общих чертах была ситуация, которую должен был учитывать Сталин в своей геополитической стратегии.

31 мая 1924 г. не без активного участия Сталина было заключено советско-китайское соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой. После разгрома японской интервенции на Дальнем Востоке правительство Китая более не могло противиться требованиям китайского народа об установлении дружественных отношений с Советским Союзом. Это соглашение и приложенные к нему ноты устанавливали, что немедленно после подписания настоящего соглашения восстанавливаются нормальные дипломатические и консульские сношения между обеими договаривающимися сторонами. В течение месяца должна была быть созвана советско-китайская конференция, на которой “все конвенции, договоры, соглашения, протоколы, контракты и т. д., заключённые между правительством Китая и царским правительством”, будут аннулированы и заменены “новыми... на основе равенства, взаимности и справедливости и в духе деклараций Советского правительства 1919 и 1920 гг.”.¹⁰ Исключительно важное значение имела статья 10, по которой СССР отказывался от специальных прав и привилегий, касающихся всех концессий, приобретённых царским правительством в Китае, причём китайское правительство (согласно специальной декларации) обязывалось не передавать этих прав и привилегий. Наряду с этим Советское правительство отказывалось (ст. 12) от прав экстерриториальности и консульской юрисдикции в Китае и соглашалось с тем, чтобы граждане СССР, находящиеся на территории Китая, полностью подчинялись китайской юрисдикции. Англия и США сделали подобный шаг, но чисто формального характера, лишь в 1943 году.

Статья 11 и развивающая её декларация фиксировали, что СССР “соглашается отказаться от русской части боксёрского возмещения”. По требованию СССР эта часть возмещения (около 100 млн. руб.) должна была быть передана исключительно и полностью на нужды народного образования в Китае. Особенно важно отметить следующее обстоятельство: заключенное соглашение имело огромное значение для Китая, поскольку оно знаменовало новую эру в его международных отношениях. Китай впервые заключил с иностранной державой соглашение, которое воплотило принципы равенства и взаимных выгод.

Это соглашение в те годы произвело подлинный фурор, ибо показало китаям и всему миру, что Москва проводит подлинно справедливую политику.

Однако советско-китайское соглашение не могло и не изменило коренным образом общую ситуацию в Китае и на Дальнем Востоке в целом. Империалист-

¹⁰ Дипломатический словарь. Т. II. С. 708.

тические державы, и в первую очередь США и Англия, постоянно маневрировали, идя на компромиссы, ради того, чтобы толкнуть другие державы на противодействие Японии, — все это давало Японии благоприятные возможности для дальнейшего расширения экспансии в Китае. Японская агрессия в Китае, начавшая с 1931 г. вооружённые формы (захват Маньчжурии), создала совершенно иные условия в этом регионе мира. Превращение Маньчжурии в японский плацдарм на Азиатском материке чрезвычайно обострило обстановку на Дальнем Востоке. Практически ни одно государство Азии не могло быть гарантировано от последующей агрессии. Естественным путем для борьбы с ней было бы объединение усилий азиатских стран, прежде всего СССР и Китая, в осуществлении политики мира на Дальнем Востоке. Коренные интересы Советского Союза и Китая требовали единства двух стран.

Именно это обстоятельство открывало перед Сталиным возможность значительно активизировать усилия Москвы, направленные на укрепление связей с Китаем, в том числе и на договорной основе. Что касается правительства Чан Кайши, то оно надеялось столкнуть СССР с Японией, вплоть до советско-японской войны. Чтобы не дать Японии повода для провокаций, СССР предложил ей заключить пакт о ненападении, но японское правительство отклонило это предложение. Один из видных в то время лидеров гоминьдана заявил в то время, что Китай не подпишет с СССР пакта о ненападении.

Но тучи над Китаем после 1931 года все более густались, становилось очевидным, что Токио будет и дальше расширять свои масштабы агрессии против Китая. Stalin отдавал себе отчет в том, что, несмотря на антикоммунистическую линию правительства гоминьдана, оно будет вынуждено силой реальных обстоятельств проявить стремление к нормализации отношений с Советским Союзом. И он оказался прав: сама жизнь заставила китайское правительство пойти в 1932 году на восстановление нормальных дипломатических советско-китайских отношений, нарушенных конфликтом 1929 года. Советский Союз принял предложение китайского правительства заключить пакт о ненападении. Однако правительство Китая, продолжавшее надеяться на возможность говора с Японией, задерживало подписание пакта, и переговоры о нём затянулись на несколько лет. В те годы Москва неоднократно предлагала Китаю также приступить к переговорам о подписании пакта о ненападении и торгового договора. Однако как в самом китайском правительстве, так и в министерстве иностранных дел Китая наблюдалось мощное влияние прояпонских сил. Естественно, что это не могло не вести к опасной затяжке переговоров. Лишь в октябре 1935 года китайская сторона передала СССР свой проект торгового договора, в который были преднамеренно вставлены заведомо неприемлемые положения.

По взаимному согласию сторон в 1935—1937 годах проходили переговоры между двумя сторонами, в которых был крайне заинтересован Чан Кайши. Stalin считал, что даже само проведение таких переговоров станет существенно важным фактором, способным удержать Чан Кайши от дальнейших уступок милитаристской Японии. В целом можно сделать вывод, что эти переговоры способствовали примирению гоминьдана с КПК, созданию в Китае единого национального антияпонского фронта.

Однако преграды и препятствия появлялись и со стороны коммунистов, которые на тот исторический момент на первый план выдвигали прежде всего интересы борьбы против гоминьдана как продажного и не способного вести последовательную борьбу против японской агрессии. Stalinу пришлось активно вме-

шаться в этот вопрос, чтобы выправить положение и сосредоточить усилия сторон не на разжигании гражданской войны, а на сплочении всех сил, способных объединиться на одной основе – борьбе против японской агрессии.

После того как в июне 1936 г. была установлена постоянная связь между Коминтерном и ЦК КПК, Секретариат ИККИ рекомендовал КПК решительно пересмотреть прежнюю установку на одновременную борьбу против гоминьдана и против японских захватчиков, тактику поддержки борьбы региональных милитаристских группировок против Нанкина. По прямому указанию Сталина Генеральный секретарь Коминтерна Г.М. Димитров особо подчеркнул, что в момент, когда агрессия Японии угрожает национальному существованию китайского народа, главной задачей является объединение всех сил Китая. “Все остальное, – говорил Г.М. Димитров, – нужно подчинить этой задаче. Отсюда вытекает, насколько неправильна политическая установка в отношении Нанкина, Чан Кайши и гоминьдана. Это остатки прошлого”¹¹.

Исходя из глобальных военно-политических и стратегических интересов Советской России, а также стремясь предотвратить дальнейшее углубление разногласий между гоминьданом и компартией, которые лили воду на мельницу японской военщины, Сталин использовал все возможности Коминтерна для того, чтобы не только уменьшить масштабы гражданской войны в Китае, но и, как говорится, снять этот вопрос с повестки дня вообще. Ибо на передний план всплыли задачи гораздо более серьезные, угрожавшие национальному существованию Китая, превращения ее в колонию Японии.

В соответствии с этой стратегической линией Сталин проводил курс, состоявший как бы из двух органически взаимосвязанных элементов: с одной стороны, он добивался того, чтобы коммунисты сняли устаревшие лозунги, препятствовавшие созданию единого антияпонского фронта, с другой стороны – вел линию на заключение нового договора с Китаем. Последнее должно было не только усилить международные позиции Китая, но и показать всему китайскому народу, а также недругам Китая, что в лице Советского Союза Китай имеет надежного друга и защитника. Конечно, все это нужно было осуществлять крайне осмотрительно и учитывать всю глубину, разделявшую обе враждующие стороны в Китае.

В соответствии со стратегией Сталина руководящие органы Коминтерна приняли решение, суть которого сводилась к следующему:

– китайские “коммунисты не должны ставить гоминьдан и Чан Кайши на одну доску с японскими захватчиками, так как главным врагом китайского народа является японская фашистская военщина, борьбе с которой на данном этапе должно быть подчинено все”.

– далее в решении говорилось, что для действительного и серьезного вооруженного сопротивления японским захватчикам необходимо участие в нем гоминьдановских войск или решающего большинства их, что “в нынешних условиях всякая междуусобная война в Китае облегчает грязное и темное дело японских хищников”. Секретариат ИККИ рекомендовал КПК заменить лозунг советской республики лозунгом создания единой всекитайской демократической республики.¹²

Однако реализовать принятые решения было не так просто. В декабре 1936

¹¹ Цит. по Новейшая история Китая. 1928–1949. М. 1984. С. 123.

¹² Новейшая история Китая. 1928–1949. С. 123.

года произошел так называемый сианьский инцидент, когда неподалеку от города Сиань прибывший туда Чан Кайши был арестован антияпонски настроенными военными из числа гоминьдановцев. Конфликт грозил перерasti в серьезное вооруженное противостояние, что было на руку только японской военщины. Необходимо было предпринимать срочные меры.

Разрешению конфликта в определенной мере способствовало и то, что за мирное разрешение сианьского конфликта высказывались и ведущие печатные органы Англии, Франции, США, с тревогой относившиеся к усилению Японии. События в Сиани, подчеркивалось в газетах этих стран, на руку лишь Японии. В данном случае произошло непроизвольное совпадение позиций тех, кто опасался усиления японской агрессии не только в Китае, но и вообще на Дальнем Востоке.

Но решающее значение имел тот факт, что Сталин, внимательно следивший за развитием ситуации, настоятельно советовал китайским руководителям решительно и однозначно выступить за мирное разрешение сианьского конфликта. Иными словами, позиция Сталина, нашедшая отражение в решении Коминтерна, сыграла решающую роль в деле мирного урегулирования сианьских событий. Она повлияла не только на руководство КПК, но и на Чан Кайши, который вначале не желал идти ни на какие уступки восставшим против него военным, решительно отказывался вести с ними какие-либо переговоры. После того, как 22 декабря 1936 г. в Сиань к Чан Кайши прибыли его жена Сун Мэйлин и ее брат Сун Цзывэнь, проинформировавшие Чана о позиции Советского Союза, он согласился встретиться с представителем КПК Чжоу Эньлаем. В беседе с ним Чан Кайши выразил согласие на мирное урегулирование сианьского инцидента. В конце концов сианьский конфликт был разрешен мирным путем, что на деле показало реальную возможность находить общие точки соприкосновения перед лицом более грозной опасности — агрессии со стороны Японии.

Надо отметить, не вдаваясь в детали, что переговоры между коммунистами и Чан Кайши были длительными и постоянно находились под угрозой срыва ввиду различия в принципиальных позициях сторон. Но угроза дальнейшего расширения агрессии со стороны Японии превращалась из реальной возможности в реальный факт: 8 июля 1937 г. начался новый этап японского завоевания Китая — Токио перешел к захвату провинций Северного Китая, что в корне изменило обстановку и по-новому поставило многие вопросы. Расширение рамок агрессивных действий Японии озадачило даже тех, кто на Западе снисходительно смотрел на то, как Япония отхватывает от Китая одну провинцию за другой. Сложилась довольно противоречивая ситуация. Дело в том, что война Китая за независимость была частью борьбы народов мира против наступления агрессивных сил. Соответственно правительства западных держав, проводивших политику "умиротворения" агрессоров, не оказали помощи борьбе китайского народа. Фашистские Германия и Италия в основном встали на сторону Японии, хотя сохраняли в первые годы войны некоторые связи с Китаем по военной линии. Западные державы и США, формально выступая против войны Японии в Китае, по существу (путем поставок стратегических материалов Японии), разжигали ее, проявляли заинтересованность в затяжке войны, надеясь в этом случае на ослабление Японии. Они хотели бы также, чтобы в войну против Японии вступил Советский Союз, что могло бы привести к взаимному ослаблению СССР и Японии.

¹³ Новейшая история Китая. 1928—1949. С. 134.

Сталин отчетливо видел существо этой стратегии и предпринимал соответствующие меры, нацеленные на то, чтобы подкрепить позиции борющегося китайского народа. Главным инструментом в этом было заключение договора с Китаем и оказание практической помощи — вооружениями, специалистами, техникой и т. д. Это были — не декларации, а конкретные дела. 31 июля 1937 г. правительство Советского Союза дало согласие на поставку оружия Китаю, изъявило готовность принять для обучения в Советском Союзе китайских летчиков и танкистов (на последнее предложение Китай никак не реагировал) и предложило китайскому правительству заключить пакт о ненападении.

Пакт о ненападении между Советским Союзом и Китаем был предложен китайской стороной и подписан 21 августа 1937 г. в Нанкине. Подписание пакта явилось важной вехой в истории советско-китайских отношений. Это был единственный в тот период международно-правовой документ, укреплявший положение Китая в войне против Японии. Значение советско-китайского пакта было воспринято мировой общественностью как выражение Советским Союзом твердой поддержки китайскому народу и как основа для дальнейшего улучшения советско-китайских отношений.

Прежде чем изложить основные положения этого пакта, надо ответить на два вопроса: почему он был предложен китайской стороной и почему носил название пакта о ненападении? Во-первых, инициатива в данном вопросе хотя бы формально должна была исходить от Китая, чтобы лишить японскую сторону возможности обвинить Москву во вмешательстве в войну на стороне Китая. Этот шаг был продуман Сталиным с особой тщательностью, поскольку именно в эти годы японская военщина энергично готовилась к агрессии против СССР и ждала только повода, чтобы ее осуществить. Что, впрочем, она и попыталась сделать несколько позднее в районе реки Халхин Гол и где получила урок, который на долго отрезвил горячие головы японских генералов. Во-вторых, договор о дружбе и взаимопомощи с Китаем Сталин также не мог заключить, поскольку тем самым он как бы открыто вступал в военный конфликт против Японии.

Однако суть дела состояла не в названии. Это, по своему духу, был договор о помощи китайскому народу, ибо время и условия его заключения свидетельствовали о том, что это не был чисто формальный договор о нейтралитете.

14 сентября 1937 г. между СССР и Китаем была достигнута договоренность о конкретных поставках военной техники, боеприпасов и снаряжения в счет советского кредита. По просьбе китайской стороны сроки доставки первой партии самолетов были сокращены до минимума. Так, уже 22 октября 1937 г. в Урумчи прибыла первая партия самолетов и группа советских представителей для организации транспортировки через Синьцзян поступающих из СССР самолетов и военных грузов.

Таким образом, хотя соглашение о первом кредите в 50 млн. amer. долл. было оформлено лишь в марте 1938 г., переброска оружия из СССР в Китай, в отличие от обычной международной практики, началась в октябре 1937 года, поскольку положение на фронтах Китая требовало быстрой помощи.¹⁴

Содержание договора сводилось к следующему. Согласно договору стороны отказывались от войны как средства разрешения международных споров и обязывались “воздерживаться от всякого нападения друг на друга как отдельно, так и совместно с одной или несколькими другими державами” (ст. I). Китай и СССР

¹⁴ См. Новейшая история Китая. 1928—1949. С. 164.

взаимно обязались не оказывать ни прямой, ни косвенной поддержки державе или державам, нападающим на одну из договаривающихся сторон, а также воздерживаться от всяких действий или соглашений, которые могли бы не-благоприятно отзываться на стороне, подвергшейся нападению (ст. II).

Ст. III оговаривала, что советско-китайский договор не нарушает прежних договоров и соглашений, участниками которых были СССР и Китай.

Заключение договора однозначно говорило за то, что Сталин ставил в качестве своей долгосрочной цели установление единственной системы безопасности на Дальнем Востоке. Япония и Германия заняли резко враждебную позицию по отношению к советско-китайскому договору, ибо он знаменовал провал германо-японской политики изоляции и окружения СССР и одновременно являлся выражением дружеских чувств и симпатий СССР к китайскому народу, боровшемуся за своё национальное освобождение. Договор был подписан на 5 лет. Он сохранял свою силу на каждое последующее двулетие в том случае, если какая-либо из сторон за 6 месяцев до истечения очередного срока не заявит о своём желании отказаться от него.

Важную роль сыграла система советских военных советников, созданная в соответствии с договором. Советские советники прибыли в Китай, когда китайская армия на всех фронтах отступала под натиском японских войск. Следует констатировать, что китайская армия не имела единой организации, в главном штабе китайских вооруженных сил не существовало разработанного оперативно-стратегического плана ведения войны. Все это сказывалось в работе советников и подчеркивало важность их миссии фактических друзей и союзников.

В начале февраля 1938 г. советскими волонтерами был нанесен удар по большой авиационной базе японцев в Ханчжоу, где было уничтожено более 30 японских самолетов. 23 февраля, в день советской Красной Армии, была осуществлена крупная операция против японской авиационной базы на острове Тайвань, где было уничтожено около 40 самолетов противника, затоплено несколько судов. 20 мая 1938 г. над самой Японией появились китайские бомбардировщики советского производства с советскими экипажами, сбросившие листовки на японские города.¹⁵

Особо следует подчеркнуть, что советская помощь оказывалась Китаю тогда, когда китайские власти тщетно и многократно обращались к западным правительствам, рассчитывая получить от них хоть какие-то кредиты и вооружение, которого так не хватало китайской армии.

Конечно, советская помощь, в том числе и посылкой советников и военных специалистов, принимавших непосредственное участие в боевых действиях, была существенной подмогой китайскому народу. Военные советники, прибывшие в китайскую армию из СССР, видели свою задачу в том, чтобы обеспечить за китайской авиацией активные действия на таких участках китайско-японского фронта, где можно было добиться внезапности ударов и во взаимодействии с наземными войсками достигнуть наилучших результатов.

Если говорить обобщенно, то помощь Советской России китайскому народу в национально-освободительной войне сыграла в 1937—1938 гг. роль одного из важнейших факторов, обеспечивших упорное китайское сопротивление. Такой же значительной советская помощь Китаю оставалась и в 1939 году.

Конечно, могут сказать, что помощь Сталина Китаю носила в чем-то эгоис-

¹⁵ См. Новейшая история Китая. 1928—1949. С. 165.

тический характер, поскольку сама Москва нуждалась в том, чтобы Китай на Дальнем Востоке выступал в каком-то роде в качестве противовеса расширению японской агрессии и поворота ее в сторону Советской России. Это действительно так, но сущность состоит в главном — наша страна стремилась создать общий фронт борьбы народов против агрессоров как на Западе, так и на Востоке. И эти действия советского лидера логически укладывались в его общую политическую философию и глобальную geopolитическую стратегию того исторического периода.

Сталин в своих выступлениях обнажил существование агрессивной политики Японии, не оставив вне поля своего внимания того чрезвычайно важного факта, что такая политика стала возможна лишь при попустительстве западных держав. Он говорил:

“Взять, например, Японию. Характерно, что перед началом вторжения Японии в Северный Китай все влиятельные французские и английские газеты громогласно кричали о слабости Китая, об его неспособности сопротивляться, о том, что Япония с ее армией могла бы в два-три месяца покорить Китай. Потом европейско-американские политики стали выжидать и наблюдать. А потом, когда Япония развернула военные действия, уступили ей Шанхай, сердце иностранного капитала в Китае, уступили Кантон, очаг монопольного английского влияния в Южном Китае, уступили Хайнань, дали окружить Гонконг. Не правда ли, все это очень похоже на поощрение агрессора: дескать, влезай дальше в войну, а там посмотрим”¹⁶.

Давая анализ действиям агрессивных государств, Сталин не ограничивался только примерами наглых и беспрецедентных действий. Он в соответствии со своими geopolитическими воззрениями смотрел в корень, в сущность, причины происходивших в мире колossalных сдвигов. Согласно его логике такой разворот событий не был порождением или совпадением суммы случайных фактов или факторов, он явился закономерным следствием политики, которую на протяжении предшествующих десятилетий проводили ведущие капиталистические державы мира. Обобщение Сталина объясняло не только то, что имело место в прошлом, но и служило хорошим ориентиром для будущих прогнозов.

Он подчеркивал: “Япония стала оправдывать свои агрессивные действия тем, что при заключении договора 9-ти держав ее обделили и не дали расширить свою территорию за счет Китая, тогда как Англия и Франция владеют громадными колониями... В 1937 году Япония, после захвата Маньчжурии, вторглась в Северный и Центральный Китай, заняла Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и стала вытеснять из зоны оккупации своих иностранных конкурентов... В конце 1938 года Япония захватила Кантон, а в начале 1939 г. — остров Хайнань.

Таким образом, война, так незаметно подкравшаяся к народам, втянула в свою орбиту свыше пятисот миллионов населения, распространив сферу своего действия на громадную территорию, от Тяньцзина, Шанхая и Кантона через Абиссинию до Гибралтара.

После первой империалистической войны государства-победители, главным образом Англия, Франция и США, создали новый режим отношений между странами, послевоенный режим мира. Главными основами этого режима были на Дальнем Востоке — договор девяти держав, а в Европе — версальский и целый ряд

¹⁶ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. 1939. С. 13.

других договоров. Лига наций призвана была регулировать отношения между странами в рамках этого режима на основе единого фронта государств, на основе коллективной защиты безопасности государства. Однако три агрессивных государства и начатая ими новая империалистическая война опрокинули вверх дном всю эту систему послевоенного мирного режима. Япония разорвала договор девяти держав, Германия и Италия — версальский договор. Чтобы освободить себе руки, все эти три государства вышли из Лиги наций. Новая империалистическая война стала фактом”¹⁷.

Начало Великой Отечественной войны не могло не отразиться на всей совокупности отношений Советской России с Китаем. Главные усилия нашей страны были сосредоточены на борьбе против гитлеровской агрессии, и, естественно, что наша страна не имела прежних возможностей для оказания помощи Китаю в нужных ей размерах. Однако по мере возможностей СССР все же оказывал китайскому народу посильную помощь. Главное состояло в том, что он в значительной мере сдерживал развертывание действий против Китая мощной группировки Квантунской армии, что было для Китая, как и для США, серьезной помощью.

Ситуация в Китае осложнялась тем, что несмотря на заключенные соглашения между гоминьданом и компартией, ее вооруженными формированиями фактически не прекращались военные действия. В той или иной форме они продолжались вплоть до самой победы над Японией. Stalin в этот период не мог оказывать сколько-нибудь существенное влияние на ход развития событий в самом Китае, хотя и предпринимал ряд действий, чтобы как-то ослабить и смягчить это смертельное противостояние. Одним из таких средств стало подписание в Москве 14 августа 1945 г. (уже после объявления СССР войны Японии) советско-китайского договора о дружбе и союзе. Этот договор был призван укрепить отношения между двумя странами в новых исторических условиях, предотвратить подчинение Китая диктату США, которые к этому стремились, полагаясь на содействие Чан Кайши. Stalin, естественно, не стремился к сохранению *status quo*, ибо положение и мощь Советской России были иными, чем раньше. Имелась возможность значительно укрепить geopolитические позиции СССР в мире и на Дальнем Востоке. Чрезвычайно важным было и установить с Китаем отношения прочной дружбы и добрососедства, что позволяло в благоприятном смысле воздействовать на развитие ситуации в Китае в направлении установления стабильности и перехода от гражданской войны к миру. Коротко говоря, именно этими соображениями определялась стратегия Сталина в тот период.

Одновременно с договором были подписаны соглашения о Порт-Артуре, о порте Дальнем, о Китайской Чанчуньской железной дороге. Соглашение о Порт-Артуре устанавливало, что обе стороны будут совместно использовать Порт-Артур в качестве военно-морской базы. Соглашение о порте Дальнем, который объявлялся свободным, открытым для торговли и судоходства всех стран, предусматривало выделение для передачи Советскому Союзу в аренду части пристаний и складских помещений Дальнего.

Соглашение о Китайской Чанчуньской ж. д. предусматривало совместную эксплуатацию Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог, которые после изгнания японцев из Маньчжурии объединены в одну железную дорогу под названием “Китайская Чанчуньская железная дорога”. Определялось, что дорога будет общей собственностью СССР и Китая.

¹⁷ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. 1939. С. 11–12.

При подписании вышеперечисленных документов обе стороны обменялись нотами, согласно которым Советское правительство вновь подтвердило суверенитет Китая над тремя восточными провинциями, а правительство Китая заверяло о согласии признать независимость Внешней Монголии в её существующих границах, если проведённый по этому вопросу плебисцит подтвердит стремление народа Внешней Монголии к независимости. 20 октября 1945 г. в МНР был проведён плебисцит, а 5 января 1946 китайское правительство официально заявило о признании независимости Монгольской Народной Республики.¹⁸

Освобождение Советским Союзом наиболее развитого в индустриальном отношении Северо-Восточного Китая являлось хорошей предпосылкой для демократического развития страны в целом. Это непосредственно проявилось уже в ходе переговоров Советского правительства с правительством Китая о заключении договора о дружбе и союзе, когда Советский Союз, наряду с реализацией положений Ялтинской конференции об условиях вступления СССР в войну с Японией и недопущении в будущем агрессии с ее стороны, стремился содействовать мирному урегулированию разногласий между КПК и гоминьданом и демократическому развитию. Договор от 14 августа 1945 г. и активная внешнеполитическая линия Советского Союза создавали благоприятные возможности для Компартии Китая, всех революционных и демократических сил. В результате этих переговоров, а главным образом в результате вступления СССР в войну с Японией, разгрома Квантунской армии и освобождения Северо-Востока гоминьдан, до того времени саботировавший переговоры с КПК, вынужден был продемонстрировать согласие на мирное урегулирование и пригласить в Чунцин для переговоров делегацию КПК во главе с Мао Цзэдуном. Делегация 28 августа 1945 г. вылетела в Чунцин. Безопасность делегации и лично Мао Цзэдуна была гарантирована Советским Союзом.¹⁹ До этого Мао Цзэдун отказывался вести переговоры с гоминьдановцами, несмотря на троекратное приглашение Чан Кайши приехать в Чунцин. По опыту предшествовавших переговоров коммунисты убедились, что Чан Кайши попытается использовать и переговоры в Чунцине не для ослабления угрозы разрастания гражданской войны, а для навязывания невыгодных для них условий. Шла жесткая дискуссия по каждому пункту предстоящего соглашения, и надо сказать, что и гоминьдановцы, и коммунисты испытывали определенный нажим: Чан Кайши со стороны американцев, а коммунисты со стороны Москвы, стремившихся хоть в какой-то мере примирить враждующие стороны.

Но в целом можно констатировать, отбрасывая в сторону отдельные нюансы в позициях сторон, что сам факт начала переговоров между КПК и гоминьданом означал срыв планов, направленных на то, чтобы столкнуть Советский Союз и США и таким путем решить вопрос о власти в Китае. Подобные планы вынашивались главным образом в правящей верхушке гоминьдана, стремившейся добиться широкой интервенции США в Китае, в первую очередь в Северном Китае, а затем и на Северо-Востоке с целью изоляции Народно-освободительной армии от Советской России и раз и навсегда покончить с ней объединенными усилиями американских, японских и гоминьдановских войск.

Но необходимо подчеркнуть, что здесь свою неоценимую роль сыграл не-

¹⁸ Дипломатический словарь. Т. 2. М. 1950. С. 710–711.

¹⁹ Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. (1945–1957 годы). Т. 1. М. 1978. 40–41.

давно заключенный договор между СССР и Китаем, а главное – отказ Сталина от вмешательства в конфликт между КПК и гоминьданом и предложения СССР о мирном урегулировании разногласий на базе демократизации политического режима в стране.

Никто не ожидал, в том числе и сам Stalin, что переговоры будут легкими. Не было и уверенности в том, что они завершатся на более или менее приемлемых для обеих сторон условиях – слишком полярны были позиции сторон и слишком непримиримо относились друг к другу после нескольких десятилетий ожесточенной борьбы. К тому же, предшествовавший опыт однозначно свидетельствовал о том, что гоминьдановцы большей частью заключали соглашения с единственной целью – нарушить их при удобном случае и добиться своих целей.

Но все рано или поздно имеет свой конец. На этот раз в результате сложившейся новой внутренней и международной обстановки, а также мощной поддержки и в каком-то смысле неформальной гарантии, переговоры в Чунцине, несмотря на продолжающиеся попытки гоминьдана не допустить соглашения и с этой целью отклонявшего все предложения КПК, в конце концов привели к заключению соглашения от 10 октября 1945 г. о предотвращении гражданской войны, окончании периода так называемой “политической опеки” гоминьдана и созыве Политической консультативной конференции из представителей всех политических партий, групп и беспартийных деятелей для решения вопроса о демократизации страны и созыве Национального собрания.

Однако надо признать, что и на этот раз коммунисты во главе с Мао Цзэдуном оказались правы. Реакционная верхушка гоминьдана использовала промедление с разрешением вопроса о демократизации страны для организации наступления на Освобожденные районы, захвата железных дорог и стратегически важных портовых и железнодорожных центров, главным образом в Восточном и Северном Китае.

3. Вклад Сталина в победу китайской революции

Проблема дальнейших перспектив развития ситуации в Китае представляла собой тугой и чрезвычайно сложный узел противоречий. Нельзя сказать, что и для Сталина с самого начала все было ясно и определенно. Ему предстояло принять такие решения, которые бы, с одной стороны, в полной мере учитывали национально-государственные интересы Советской России, как бы капитализировали огромные успехи, достигнутые в результате краха милитаристской Японии, превращали их в инструмент достижения стоявших перед страной международно-политических целей. С другой стороны, отнюдь не гипотетическая вероятность того, что разрастание масштабов гражданской войны в Китае окончательно подорвет стабильность страны и превратит ее в объект политических манипуляций прежде всего со стороны США, – а это неслыханная серьезная опасность. В той обстановке совсем не столь очевидным представлялся конечный успех компартии в противоборстве с гоминьданом. Поэтому приходилось тщательно, как на аптекарских весах, взвешивать все плюсы и минусы того или иного политического шага.

Stalin понимал, что в случае победы гоминьдана Китай окажется под жестким контролем США, которые непременно постараются сориентировать его курс на враждебное, по меньшей мере, недружественное отношение к СССР. И впол-

не естественно, что выбор Сталина и как коммуниста, и как руководителя великой державы, заинтересованной в том, чтобы его соседи (особенно такие крупные, как Китай) проводили по отношению к Советской России дружественную политику — выбор Сталина был в пользу компартии Китая. Однако проводить в жизнь этот курс было не просто, нужно было проявлять максимум осторожности и осмотрительности, чтобы не попасть впросак. Ставки были слишком велики, чтобы можно было идти на непродуманный риск.

Поэтому Сталин, как мне представляется, сделал выбор в пользу тщательно продуманного и взвешенного долгосрочного курса, дававшего ему возможность в максимальной мере использовать козыри, имевшиеся у него в руках. Нельзя было сразу обнаруживать свои замыслы и раскрывать свои цели, а также свою долгосрочную стратегическую линию. Обстановка диктовала необходимость гибкого маневрирования, использования противоречий в стане противников, даже определенного их введения в заблуждение, чтобы они не смогли как можно дольше разгадать его планы.

Важным фактором были и Соединенные Штаты Америки, имевшие достаточно прочные позиции в Китае, а главное — пользовались услугами гоминьдановцев, которые фактически плясали под их дудку. А американцы не были простаками, и их нелегко было обвести вокруг пальцев. Они ставили своей целью полностью освободить Китай от советского присутствия, а затем и влияния. Но, как часто случается, в Вашингтоне не совсем правильно оценили реальную ситуацию, а главное — перспективы ее развития в краткосрочном и долгосрочном плане. Известная американская самоуверенность и самообольщение своим могуществом, в том числе и обладание атомной бомбой, — все это накладывало на политику Вашингтона в Китае печать импровизации и непродуманности.

На основе совпадения главных стратегических целей гоминьдана и американской военщины обе стороны фактически сделали ставку на решение всех вопросов силой, военным путем. Военные операции гоминьдановских войск начались чуть ли не сразу же после заключения соглашения 10 октября и охватили территории более 10 провинций страны. Однако и на этот раз расчет Чан Кайши и его американских покровителей оказался построенным на зыбкой почве. Несмотря на то что гоминьдановцы бросили против НОАК свои лучшие части, обученные и руководимые американскими советниками и инструкторами, а также использовали японские и марионеточные войска, наступление окончилось поражением гоминьдановских войск к югу от Пекина и в ряде других мест. Но Чан Кайши продолжал подтягивать новые войска и силами 50 армий в ноябре 1945 года вновь развернул наступление на все Освобожденные районы (35 армий в Северном Китае, 13 — в Центральном и 2 — в Южном). В стране курс Чан Кайши на развязывание гражданской войны стал непреложным фактом и знаменовал собой крах надежд на демократизацию Китая. Данное обстоятельство не могло не вызвать и вызвало резкую критику политики США не только в Китае и в самих США, но и со стороны широких кругов мировой общественности, которая надеялась, что с капитуляцией Японии на этой многострадальной земле наконец-то воцарится мир.

Со своей стороны, коммунисты предприняли активные и весьма эффективные действия, чтобы похоронить план гоминьдановцев. Народно-освободительная армия Китая (НОАК), стремясь сорвать планы Чан Кайши, направленные на ее окружение и изоляцию, передислоцировала значительную часть своих сил в сельские районы Северо-Восточного Китая, чтобы после отвода советских войск

создать здесь основной бастион борьбы за освобождение страны. Такая база могла служить прочным фундаментом мобилизации сил, подготовки военных кадров, обучению их владению новой техникой.

Учитывая развитие событий, а также исходя из своей долгосрочной стратегии, Сталин уже сразу же после капитуляции японских войск дал указание о передаче вооружения, военной техники, танков, боеприпасов и другого военного имущества частям НОАК, дислоцировавшимся на северо-востоке Китая. Трудно переоценить значение этого факта, благодаря которому коммунисты получили много оружия и военной техники и их боеспособность возросла многократно. Кое-кто скажет, что это было нарушением со стороны Сталина условий, оговоренных ранее, однако советский лидер действовал так фактически в ответ на американскую безраздельную и всестороннюю поддержку гоминьдановцев со стороны Соединенных Штатов Америки.

Отнюдь не последнюю роль сыграло и следующее обстоятельство. Советская Армия в условиях, когда гоминьдан нарушил договоренность о скорейшем создании коалиционного правительства и исходя из того, что власть на большей части территории Северо-Востока находилась под контролем Народно-освободительной армии и местных демократических властей, оказала им широкую помощь в ликвидации военных разрушений, причиненных отступающей японской армией, а также в борьбе с бандитизмом, к которому прибегала гоминьдановская агентура. Особенно большое значение имела помощь СССР в восстановлении железнодорожного сообщения на Китайско-Чанчуньской железной дороге и в налаживании деятельности торговых и промышленных предприятий. Представители компартии Китая и местных китайских властей в то время, а также впоследствии с особой благодарностью отмечали, что помощь Советской России и ее армии позволила демократическим властям справиться с разрухой и стабилизировать политическое и экономическое положение в районе Северо-Востока.

К примеру, в районе Ляодунского полуострова были созданы и начали функционировать смешанные советско-китайские акционерные общества, что было особенно важно для восстановления разрушенной китайской экономики. Участие советских специалистов в деятельности этих обществ и поставки материалов и продовольствия из Советского Союза обеспечили не только нормальное функционирование предприятий и снабжение населения, но и развитие экономики и перестройку ее на новых демократических началах. В проведении такого курса проглядывал дальновидный подход Сталина, который считал, что создание материальной промышленной базы является непременным условием достижения военных успехов.

Одновременно следует подчеркнуть, что Москва скрупулезно выполняла достигнутые ранее соглашения о выводе своих войск из Китая. В середине января 1946 года советское командование приступило к эвакуации своих войск с Северо-Востока и к 3 мая 1946 г. полностью закончило их вывод. Действия Советского Союза особенно впечатляли на фоне того, какую политику в Китае проводили США. Американские войска неоднократно принимали непосредственное участие в военных операциях против НОАК на стороне гоминьдановских войск, а флот и авиация не только перебрасывали гоминьдановские войска в Северный и Северо-Восточный Китай, но и обеспечивали контроль в китайских водах. Надо отметить, что американские войска пользовались полной экстерриториальностью, что давало им возможность заниматься контрабандой, безнаказанно совершают грабежи и насилия.

Только по официальным, явно заниженным, данным, правительство Чан Кайши в конце 1945 года и в 1946 году получило американскую "помощь" на сумму 1,5 млрд. долл. Эта "помощь" позволила увеличить число гоминьдановских дивизий, вооруженных и обученных США, до 67 и явилась главным материальным фундаментом политики Чан Кайши на развязывание гражданской войны в Китае, сначала на Северо-Востоке, а затем и в других Освобожденных районах.

Так, сконцентрировав с помощью США в период переговоров о "мирной демократизации" в южной части Северо-Востока солидные силы в составе семи армий численностью 500 тыс. человек, гоминьдановцы развернули наступление на основные центры Северо-Восточного Китая и 13 марта 1946 г. вступили в Шэньян. Части НОАК, дислоцированные там, еще не были перевооружены и слабо подготовлены в военном отношении, им не хватало ни вооружений, ни боеприпасов, ни боевой техники. В итоге они в то время не смогли сдержать наступления гоминьдановских армий.

Помощь, которую получали от США гоминьдановцы, а также широко рекламированное всеобщее наступление, предпринятое гоминьдановской армией в 1947 году, как и следовало было предполагать, завершилось фактически провалом. Главным итогом этого явилось то, что в ходе военных действий наметился перелом в пользу коммунистов. Хотя в результате наступления гоминьдановцы захватили значительную территорию, железные дороги и большое число городов, им не удалось добиться победы, они не смогли даже частично уничтожить живую силу НОАК. Народные армии развернули в тылу гоминьдановцев партизанскую войну и, маневрируя своими регулярными частями, нанесли гоминьдановцам в январе–феврале 1947 года ряд крупных поражений в ряде провинций Северного и Северо-Восточного Китая.

Летом 1947 года НОАК перешла в контрнаступление в Северо-Восточном Китае и добилась крупных успехов, освободив 42 города, окружив гоминьдановские группировки в городах Чанчунь и Гирин и оттеснив их основные силы в район Шэньяня. Общий итог первого года гражданской войны свидетельствовал об изменении соотношения сил в пользу НОАК, численность которой возросла до 2 млн. человек, тогда как численность гоминьдановских войск сократилась с 4 300 тыс. до 3 730 тыс. человек. Потери гоминьдана составили почти 100 бригад – 780 тыс. человек, а вместе с нерегулярными частями – 1 120 тыс. человек. НОАК наряду с увеличением своей оснащенности и численности за счет захваченного вооружения и пленных постепенно осваивала опыт Советской Армии, в частности, искусство крупных маневренных операций, рассчитанных на прорыв позиционной обороны, окружение и уничтожение больших группировок противника. Кстати, по указанию Сталина советские военные советники как раз и обращали внимание китайских друзей на необходимость овладения именно этими методами войны, хорошо апробированными во время Великой Отечественной войны.

Мне кажется, что нет необходимости далее подробно описывать ход и перипетии военного противоборства коммунистов и гоминьдановцев, поскольку это непомерно расширяет рамки моей непосредственной темы. Поэтому ограничусь лаконичным перечнем важнейших событий в сфере военных действий. Народно-освободительная армия во второй половине 1947 года перешла в наступление крупными силами на ряде решающих направлений, изменив соотношение сил в свою пользу. В Северо-Западном Китае был вновь освобожден Особый пограничный район с центром в Янъани. Общая численность НОАК выросла до 2 800

тыс. человек. Все это подготовило условия для разгрома основных группировок гоминьдановской армии в Северо-Восточном Китае и на Центральной равнине в 1948 году.

Вашингтон, столкнувшись с таким разворотом событий, стал, с одной стороны, изыскивать пути спасения остатков гоминьдановских сил, а с другой стороны, постепенно делать крен в своей политике на Дальнем Востоке, заменяя ориентацию на Китай ориентацией на Японию и Корею как главные опорные базы для "сдерживания коммунизма" на Востоке.

В докладе посольства США государственному департаменту от 9 ноября 1948 г. американские дипломаты посчитали своим долгом совершенно откровенно заявить своему руководству, что "никакая военная помощь, за исключением фактического использования войск Соединённых Штатов, не спасёт сильно ухудшившегося положения".²⁰ Считаясь с тем, что использование войск Соединённых Штатов является невозможным, авторы доклада пришли к выводу, что не существует такой военной меры, которую Китай или Соединённые Штаты могли бы предпринять своевременно, чтобы спасти военное положение.

И данный прогноз оказался совершенно правильным. Во второй половине 1948 года НОАК нанесла новые сокрушительные удары гоминьдановской армии. Полный разгром маньчжурской группировки к ноябрю 1948 года имел своим результатом то, что наиболее боеспособная и вооруженная часть гоминьдановской армии численностью около 500 тыс. человек сдалась в плен. В ходе так называемого Хайхайского сражения в ноябре–декабре 1948 года НОАК разгромила крупнейшую группировку гоминьдановских войск численностью 555 тыс. человек и вышла на р. Янцзы. Оставшиеся окружеными в треугольнике Пекин–Тяньцзинь–Калган в Северном Китае гоминьдановские войска численностью 521 тыс. человек частично перешли на сторону НОАК, а частично были разгромлены и пленены. К началу 1949 года значительная часть гоминьдановской армии, которая непосредственно подчинялась Чан Кайши, по существу, перестала существовать.

Поскольку с обзором чисто военных действий уже покончено, следует теперь сосредоточить внимание на деятельности Сталина по обеспечению условий победы китайских коммунистов в международном плане и в плане оказания помощи советами и рекомендациями, а также конкретными практическими шагами в плане поставок вооружений, техники и т. д.

В конце 1945 – начале 1946 года в Москву был послан сын Чан Кайши Цзян Цзинго, в задачу которого входило, во-первых, прозондировать позицию Сталина по вопросам Китая, в особенности отношений с коммунистами, и во-вторых, склонить советского лидера сыграть роль посредника в переговорах между гоминьданом и КПК.

В подготовленной для Сталина справке были проанализированы возможные цели посылки в Москву сына Чан Кайши, аргументация, которой он мог воспользоваться, а также сформулированы вопросы, которые наша страна намерена поставить и обсудить в ходе встреч. В частности, указывалось, что "Цзян Цзинго будет добиваться, чтобы мы силой или путем морального воздействия заставили коммунистические войска отказаться от борьбы за Маньчжурию и за Северный Китай. Чан Кайши не уверен, что, получив гражданскую власть в Маньчжурии, он сможет ее удержать своими собственными силами. Он также понимает, что ни

²⁰ White Book. United States Relations with China. With Special Reference to the Period 1944–1949. Based on the Files of the Department of State. Washington. 1949. p. 288.

японские войска, ни марионеточные войска не могут удержать в узде население Маньчжурии и население Северного Китая. В связи с этим Цзян Цзинго не только поставит вопрос о более медленном отводе наших войск, но и о морально-политической помощи правительству Чан Кайши против надвигающейся опасности слева”²¹.

С советской стороны было намечено поставить вопросы признания китайским правительством независимости Монгольской Народной Республики, охраны Китайской Чанчуньской железной дороги, о недопущении иностранцев и иностранных капиталов в Маньчжурию, об экономическом сотрудничестве в Маньчжурии и ряд других.

Сталин во время двух встреч с посланцем Чан Кайши проявил себя опытным и находчивым дипломатом. Он вел беседу так и отвечал на вопросы в таком ключе, чтобы его нельзя было даже намеком упрекнуть в односторонней ориентации на китайских коммунистов. Более того, на мой взгляд, он сознательно и весьма убедительно давал понять, что испытывает определенное недовольство действиями китайских коммунистов, однако ничего не может поделать, поскольку не располагает средствами воздействия на них. Столь тонкий подход выглядел вполне убедительным, хотя неизвестно, насколько представитель Чан Кайши поверил заверениям Сталина.

Осторожность и некоторая доля критики Сталина в адрес коммунистов и Мао Цзэдуна лично дала повод кое-кому прийти к выводу, будто Stalin действительно так оценивал ситуацию, как он говорил Цзяну. Более того, в западной, да и не только в западной литературе, давно уже бытует точка зрения, согласно которой Stalin, во-первых, не доверял Mao, а во-вторых, опасался испортить отношения с США, поддерживая китайских коммунистов. Так, А. Буллок пишет: “Настаивая на возобновлении КПК сотрудничества времен войны с Чан Кайши и отговаривая их от идеи превращения Китая или его части в коммунистическое государство, Stalin надеялся избежать возникновения у американцев подозрений и продления ими сроков пребывания их войск на территории страны. Лучше представлявший себе слабость националистического режима и разочарования американцев в его коррумпированности, Mao Цзэдун считал, что Stalin преувеличивает американские обязательства, не понимает, насколько сильны позиции коммунистов, и не в состоянии смело оценить их шансы на полную победу в случае, если возобновится гражданская война”²².

Сходную в своей основе позицию пропагандируют и такие биографы Сталина, как И. Дойчер, Р. Конквест и ряд других.²³ Р. Конквест акцентирует внимание на том, что среди сподвижников Мао Цзэдуна имели широкое распространение антисоветские тенденции.²⁴ Нельзя отрицать того факта, что среди отдельных сторонников Мао имелись и люди, которым были свойственны антисоветские настроения, прежде всего питаемые уверенностью в единственной правоте своей линии, в том, что Москва и Stalin плохо разбираются в китайской обстановке.

Конечно, доля истины в таких рассуждениях была. Однако она не может по-

²¹ А.М. Ледовский. СССР и Stalin в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий. 1937–1952. М. 1999. С. 12–13.

²² Алан Буллок. Гитлер и Stalin. Жизнь и власть. Т.2. 602.

²³ Robert Payne. The Rise and Fall of Stalin. p. 580–581.

²⁴ Robert Conquest. Stalin. Breaker of Nations. p. 301–302.

ставить под вопрос главное – Сталин поддерживал в самых главных вопросах отнюдь не гоминьдан, а компартию и Мао Цзэдуна. И эта поддержка была мотивирована не какими-то симпатиями или антипатиями, а объективным анализом не только текущей ситуации, но и перспектив ее развития.

Советский лидер, конечно, поддерживал коммунистов, однако обнажать свою позицию, публично во всеуслышание говорить о ней он не был склонен. Ведь здесь немалое значение имели и чисто дипломатические соображения, поскольку Сталину важно было не испортить отношений с гоминьдановским режимом, ибо он был правящим режимом в Китае. А поддержанию хороших отношений со страной Сталин придавал первостепенное значение и ставил это выше других мотивов.

Я воспроизведу наиболее важные и интересные фрагменты из бесед Сталина с Цзян Цзинго, чтобы читатель сам мог убедиться в абсолютной обоснованности, логичности и последовательности линии Сталина во время переговоров.

В ходе беседы 30 декабря 1945 г. китайский посол попросил Сталина дать коммунистической партии Китая совет сотрудничать с гоминьданом.

Тов. Stalin говорит, что китайские коммунисты не подчиняются русским коммунистам. Коминтерна больше нет. Русским коммунистам было бы очень трудно посредничать, так как они не хотели бы давать совет, который был бы отклонен впоследствии. К тому же китайские коммунисты не просят совета.²⁵

Цзян Цзинго спрашивает, что нужно, по мнению тов. Сталина, сделать для объединения Китая.

Тов. Stalin отвечает, что нужно переговорить с коммунистами и узнать, чего они требуют. Тов. Stalin спрашивает, почему переговоры в Чунцине потерпели неудачу и почему имели место бои между коммунистическими войсками и войсками национального правительства Китая.

Цзян Цзинго отвечает, что он этого не знает.

Тов. Stalin отвечает, что тем более этого не знает советское правительство.²⁶

Цзян Цзинго говорит, что нужно договориться с китайскими коммунистами.

Тов. Stalin говорит, что когда стороны договариваются, они делают взаимные уступки. Китайские коммунисты знают, что советское правительство придерживается иных, чем они, взглядов. Китайские коммунисты знают, что Советское правительство не согласно с ними.

Тов. Stalin говорит, что когда китайские коммунисты обратились за советом, он был им дан. Они выехали в Чунцин, но не договорились, кто виноват в этом, он, тов. Stalin, не знает. Он, тов. Stalin, думает, что китайские коммунисты больше не обратятся за советом. Они знают, что Советское правительство с ними не согласно.

Сталин говорит, что Мао Цзэдун, видимо, не верит Чан Кайши, а последний не верит Мао Цзэдуну.²⁷

Затем Stalin ответил на ряд вопросов, касающихся советско-китайских отношений, подчеркнув, что Советская Россия выступает за развитие дружественных связей с Китаем. Кроме того, он считал необходимым разоблачить измышления западных разведок о якобы неминуемой предстоящей войне.

Весьма любопытен и следующий пассаж из беседы.

²⁵ А.М. Ледовский. СССР и Stalin в судьбах Китая. С. 18.

²⁶ А.М. Ледовский. СССР и Stalin в судьбах Китая. С. 20.

²⁷ А.М. Ледовский. СССР и Stalin в судьбах Китая. С. 20, 21.

Цзян Цзинго заявляет, что Чан Кайши просил его передать, что в будущих международных делах Китай будет заранее советоваться с Советским Союзом и будет договариваться с Советским Союзом с тем, чтобы выступать с общей точкой зрения.

Тов. Сталин говорит, что до сих пор китайские делегаты всегда выступали против советских. Так было в Сан-Франциско и в Лондоне. Например, в Сан-Франциско были большие споры по поводу того, кто должен быть председателем на конференции. Американцы решили, что председателем конференции должен быть их делегат. Советская делегация предложила, чтобы председательствовали по очереди представители четырех держав. При обсуждении этого предложения китайские представители выступили против советской делегации.²⁸

В ходе беседы Сталин не оставил и тени сомнений в том, что он прекрасно понимает, что гоминьдановцы, как говорится, практически во всем следуют американской линии и ориентируются только на них. Поэтому он считал необходимым акцентировать внимание собеседника, что разговоры о якобы предстоящей войне лишены почвы, и пусть, мол, Чан Кайши не делает на это ставку.

Сталин, в частности, сказал: "Американская и английская разведка распространяют слухи, что между Советским Союзом, с одной стороны, и Англией и Америкой — с другой, скоро начнется война. Это — дезинформация. Американцы и англичане не смогут поднять свои войска на новую войну, так как нет цели; Япония побеждена, война надоела народу. Любое правительство в Англии и Америке, которое попытается поднять свои войска, обязательно падет. По тем же самым причинам и Советское правительство не сможет поднять войска на войну. Может быть, американская и английская разведка распространяют эту дезинформацию для того, чтобы запугать как Советский Союз, так и Китай. Тем не менее он, тов. Сталин, всегда верил и верит, что Китай не пойдет против Советского Союза. В свою очередь он, тов. Сталин, может заверить Чан Кайши, что Советский Союз не пойдет против Китая. В прошлом Советский Союз не раз уговаривали это сделать, но Советский Союз твердо придерживается того, чтобы идти вместе с Китаем"²⁹.

В заключение первой беседы советский лидер твердо выразил свою позицию в отношении Маньчжурии.

Тов. Сталин заявляет, что Советское правительство не хотело бы, чтобы американские войска вступили в Маньчжурию. Это — советская зона. Кажется, американцы и не намереваются вступать туда. В Маньчжурию не надо пускать ни английских, ни других иностранных войск.

Цзян Цзинго отвечает, что американские войска не войдут в Маньчжурию, и снова повторяет, что они вообще будут выведены из Китая, как только выполнят свою задачу.

Тов. Сталин заявляет, что присутствие иностранных войск в Китае приведет к подрыву авторитета Чан Кайши и что, наоборот, если иностранных войск в Китае не будет, то авторитет Чан Кайши будет выше...

Тов. Сталин говорит, что китайский народ хороший, но надо, чтобы и руководители были хорошими.³⁰

Следующая беседа состоялась 3 января 1946 г. Нет необходимости в деталях

²⁸ А.М. Ледовский. СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 23.

²⁹ А.М. Ледовский. СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 23.

³⁰ А.М. Ледовский. СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 27–28.

рассматривать ее содержание, поскольку в своих главных аспектах она в чем-то явилась продолжением, развитием, а порой и повторением того, о чем шла речь в первой беседе.

Сталин в ответ на попытки китайского представителя опять втянуть его в обсуждение вопроса об отношениях гоминьдана с коммунистами ответил, что он не знаком с основными фактами обстановки в Китае. Он, тов. Сталин, не все знает, что происходит в Китае. Советское правительство не понимает, почему тянут с разоружением японцев. А это было уже прямое обвинение китайского правительства в нарушении достигнутых соглашений. Так что посланец гоминьдана мог почувствовать, что Москва не упускает из своего поля зрения ни одного сколько-нибудь существенного вопроса. Так, Сталин выразил недовольство тем, что до сих пор в Маньчжурии распространяются листовки за подпись гоминьдана, в которых содержатся призывы резать русских. Конечно, это вызывает недовольство советского правительства.³¹

Бесспорный интерес представляет и мнение Сталина о политике открытых дверей, поборниками которой рьяно выступали США. Stalin сказал, что иностранные державы хотели, чтобы Советский Союз открыл двери, но Советское правительство послало их к черту. Однако Китаю, как слабой стране, придется формально согласиться с политикой открытых дверей. Обычно открытых дверей требуют у полуколониальных стран.

Тов. Stalin говорит, что американцы обращались к Советскому правительству по поводу применения политики открытых дверей в Маньчжурии. Советское правительство ответило американцам, что оно не является хозяином в Маньчжурии и что по этому поводу следует обратиться к Китаю. Американцы были очень поражены этим ответом, но примирились с ним.³²

Итоги переговоров, которые, по существу, не привели и не могли привести к каким-либо серьезным результатам, подвел сам Stalin в телеграмме на имя Чан Кайши. В ней он выразил надежду, что "отношения между нашими странами будут развиваться в соответствии с советско-китайским договором, чему я и впредь буду уделять постоянное внимание"³³.

Выше я попытался как бы пунктиром обозначить основные направления и суть политики Сталина в отношении гоминьдановского режима. Приведенный материал, конечно, дает лишь самое общее представление о содержании внешнеполитической стратегии вождя в отношении гоминьдановского режима. Чтобы более или менее верно охарактеризовать суть этой стратегии, нужно учитывать многие факторы. Во-первых, Stalin не мог идти на конфронтацию с господствовавшим в Китае режимом в силу самых элементарных соображений. Прежде всего потому что Москва была заинтересована в дружбе с Китаем, где она завоевала уже довольно прочные позиции. Во-вторых, он не мог открыто вмешиваться в гражданскую войну на стороне компартии, поскольку это повлекло бы за собой самые непредсказуемые последствия. Главное состояло не в публичных заявлениях в поддержку КПК, а в оказании ей и НОАК реальной помощи, что и делал Stalin. Наконец, необходимо было учитывать международную обстановку, а она также диктовала необходимость проведения крайне взвешенной и про-

³¹ А.М. Ледовский. СССР и Stalin в судьбах Китая. С. 34.

³² А.М. Ледовский. СССР и Stalin в судьбах Китая. С. 37.

³³ Советско-китайские отношения. Т. V. 1946 – февраль 1950. Книга I. 1946 – 1948. Документы и материалы. М. 2005. С. 33.

думанной политики. В-третьих, отношения с руководством КПК и с Мао Цзэдуном, в первую очередь, хотя и поддерживались если не регулярно, то эпизодически, внушали Сталину некоторые опасения относительно правильности политической стратегии Мао. Больше всего Сталина тревожила мысль о том, что страна будет ввергнута в пучину гражданской войны и станет легкой добычей для США и других "поборников" демократии. В начальный период гражданской войны у Сталина не было достаточно надежных доказательств того, что в гражданской войне коммунисты непременно одержат победу. Поэтому он ориентировал их на то, чтобы они в пылу борьбы с гоминьданом не забывали о главном – судьбах Китая, его единстве и сохранении независимости, ибо угроза всему этому была более чем реальной. Поэтому Сталин порой и демонстрировал сдержанность и осторожность, которая, как ныне известно, часто раздражала лидеров Китая. В такой стратегии Сталина они пытались узреть признаки неверия в силы китайской революции, недооценку реальных и потенциальных возможностей китайского народа в целом.

Однако за осторожностью не скрывалось неверие в революционные потенции Китая и его коммунистической партии. Если бы Stalin действительно страдал таким неверием и недооценкой революционного потенциала китайской революции, то совсем иной была бы его стратегия со временем победы над Японией. Но именно с этого времени Советская Россия встала на путь оказания практической помощи китайской народной революции. И это – неопровергимый факт.

4. Stalin дает советы китайским коммунистам

Переписка Сталина с Мао Цзэдуном

Разумеется, в какой-либо непосредственной форме Stalin не принимал участие в китайской революции по вполне понятным причинам. Да и какой-либо необходимости в этом вовсе и не было. Однако, регулярно поддерживая переписку посредством шифрованной радиосвязи с руководством КПК, Stalin оказывал существенное воздействие как на выработку ими решений, так и на определение ими своей стратегической линии на том или ином этапе развития войны с гоминьданом. О том, как осуществлялась эта связь, пишет А.М. Ледовский в своей прекрасно документированной и хорошо аргументированной книге "СССР и Stalin в судьбах Китая". (Кстати сказать, многие архивные документы и материалы впервые введены в научный оборот именно А.М. Ледовским.) Переписка двух лидеров, пишет он, "осуществлялась через радиосвязь и была сверхсекретной. Не только о содержании шифровок, но даже о самом существовании такой связи между Москвой и Янъяном в советском высшем руководстве кроме Сталина знали лишь очень немногие из числа ближайших его соратников. Ни в МИДе СССР, ни в советском посольстве в Китае об этом никто не знал. В Москве радиосвязь поддерживалась по каналам Главного разведывательного управления (ГРУ) Министерства обороны СССР. Этим занимались находившиеся в ГРУ особые порученцы, которые отправляли в Янъян шифровки Stalina, получали оттуда маоцзэдуновские шифровки и вручали их лично Stalину. Из Янъяна телеграммы Мао Цзэдуна передавались находившимся там сталинским связником, генералом медицинской службы А.Я. Орловым, который был заслан с указанны-

ми целями в Яньянь вместе с радиостанцией. Передаваемые в Москву шифровки он подписывал именем «Теребин»³⁴.

Прежде всего, Сталин считал не только желательным, но и необходимым личный приезд лидера китайских коммунистов в Москву, где можно было бы обстоятельно рассмотреть весь сложный и постоянно изменявшийся комплекс проблем, связанных как с развитием китайской революции, так и с взаимоотношениями двух стран. В телеграмме от 15 июня 1947 г. он просит передать Мао Цзэдуну, что «ЦК ВКП(б) считает желательным его приезд в Москву без каких-либо разглашений. Если Мао Цзэдун также считает это нужным, то нам представляется, что это лучше сделать через Харбин. Если нужно будет, то пошлем самолет. Телеграфьте результаты беседы с Мао Цзэдуном и его пожелания»³⁵.

Однако предложение Сталина фактически было отклонено под тем предлогом, что ввиду предстоящих военных операций и ввиду того, что отсутствие Мао Цзэдуна может плохо отразиться на операциях, — мы считаем целесообразным временно отложить поездку Мао Цзэдуна. 1.VII 1947 г.³⁶ Едва ли это был надуманный предлог: в это время в Китае как раз развертывались серьезные военные действия, и китайское руководство не могло принимать принципиальные решения без одобрения самого Мао.

10 мая 1948 г. уже сам Сталин шлет шифровку Мао Цзэдуну, рекомендуя ему отложить намечавшуюся поездку в Москву, мотивируя это тем, что как раз именно в тех районах, где должен был проходить маршрут поездки Мао, развертывалось наступление гоминьдановских войск. Сталин в таких условиях считал поездку предприятием слишком рискованным.

«Исходя из этого, не следует ли Вам несколько отложить поездку к нам, — рекомендовал или советовался с Мао Цзэдуном Сталин. — В случае, если Вы решите свой выезд не откладывать, просим сообщить нам о том, какое содействие могли бы мы оказать Вам в Вашем переезде. Не считаете ли Вы целесообразным, чтобы мы послали Вам наш самолет. В этом случае просим сообщить, куда высаживать самолет и когда.

Ждем Вашего ответа.

Филиппов (псевдоним, которым обычно подписывался Сталин — Н.К.)
10. V 1948 г.³⁷.

Ответ от лидера китайских коммунистов последовал незамедлительно. В тот же день в Москве была получена шифровка следующего содержания:

“Тов. Филиппов

Сегодня получил Ваше письмо. Весьма благодарен Вам.

При настоящем положении целесообразно на короткое время отложить мою поездку к Вам.

Прошу Вас прислать самолет или пароход в Шаньдунский полуостров для моей поездки к Вам. Но в ближайшие дни ввиду того, что я плохо себя чувствую (головокружение, мозг очень слаб), не могу переносить дрожание мотора в самолете. Нуждаюсь в отдыхе на короткое время, после чего могу полететь на самолете. Место аэродрома и порта сообщу после выяснения.

Мао Цзэдун. 10. V. 1948 г.³⁸.

³⁴ А.М. Ледовский. СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 48.

³⁵ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга I. С. 327.

³⁶ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга I. С. 333.

³⁷ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга I. С. 419.

³⁸ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга I. С. 421.

Но было бы неверно полагать, будто переписка касалась в основном согласования вопроса о поездке Мао в Москву. В ней затрагивались и обсуждались и проблемы масштабного политического порядка. В качестве примера следует привести письмо Сталина, в котором он высказывает ряд критических соображений относительно взглядов китайского руководства и дает советы, касающиеся планов социально-политического строительства Китая после установления народной власти. Это письмо — пример того, что Сталин занимал по главным вопросам китайской революции и ее будущего принципиальную позицию и не пытался, играя в дипломатию, выуалировать свои взгляды. Он, как говорится, высказывал свою точку зрения, невзирая на то, как она будет воспринята китайским руководством, причем делал это в деловом, а зачастую и остро полемическом тоне. Вот основные моменты данной телеграммы:

“У нас вызывает сомнение только одно место в письме, где говорится о том, что “В период окончательной победы китайской революции, по примеру СССР и Югославии, все политические партии, кроме КПК, должны будут уйти с политической арены, что значительно укрепит китайскую революцию”.

Мы с этим не согласны, — вполне определенно заявлял советский лидер. — Думаем, что различные оппозиционные политические партии в Китае, представляющие средние слои китайского населения и стоящие против гоминьдановской клики, будут еще долго жить и Киткомпартия вынуждена будет привлечь их к сотрудничеству против китайской реакции и империалистических держав, сохранив за собой гегемонию, то есть руководящее положение. Возможно, что некоторых представителей этих партий придется ввести в Китайское народно-демократическое правительство, а само правительство объявить коалиционным, чтобы тем самым расширить базу этого правительства в населении и изолировать империалистов и их гоминьдановскую агентуру. Надо иметь в виду, что Китайское правительство после победы Народно-освободительной армии Китая будет по своей политике, по крайней мере в период после победы, длительность которого сейчас трудно определить, национальным революционно-демократическим правительством, а не коммунистическим.

Это значит, что не будут пока что осуществлены национализация всей земли и отмена частной собственности на землю, конфискация имущества всей торговой и промышленной буржуазии от мелкой до крупной, конфискация имущества не только крупных землевладельцев, но и средних и мелких, живущих наемным трудом. С этими реформами придется подождать на известный период.

...К Вашему сведению, в Югославии кроме Коммунистической партии существуют другие партии, входящие в состав народного фронта.

С коммунистическим приветом

Сталин

20 апреля 1948 г.”³⁹

Как видно, Сталин довольно резко и категорически ставит наиболее существенные вопросы, прежде всего о характере будущего правительства и перспектив проведения важнейших социально-экономических преобразований. За его словами как бы незримо стоит призыв — Не спешите! Не форсируйте события, дайте созреть условиям, в которых необходимые меры могут быть эффективно и без излишних социальных потрясений проведены в жизнь. Обращает на себя внимание еще одна деталь: видимо, чтобы подчеркнуть важность того, что написал

³⁹ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга I. С. 411—412.

Сталин, он подписался не своим обычным псевдонимом, а собственной фамилией. Как мне кажется, это должно было усилить эффект ее убедительности и бескомпромиссности.

Но вопрос о поездке в Москву все же стоял на повестке дня. 4 июля 1944 г. Мао шлет Сталину следующую телеграмму:

“Тов. Сталин!

Состояние моего здоровья, по сравнению с двумя месяцами тому назад, значительно лучше. Я решил в ближайшее время поехать к Вам.

Есть три пути следования к Вам: воздухом, морем и по суше. Но во всех случаях мы должны проехать через Харбин, т.к. мне нужно поговорить с рядом ответственных товарищей из Маньчжурии.

Я надеюсь, что можно будет полететь на самолете, ибо это наиболее быстро, а также более всего подходит мне по состоянию моего здоровья”⁴⁰.

Но здесь, как говорится, нашла коса на камень. Stalin ответил холодной и, откровенно говоря, вовсе неубедительной отговоркой. 14 июля 1948 г. он дал указание: “Передайте Мао Цзэдуну следующее: «Ввиду начавшихся хлебозаготовок, руководящие товарищи с августа месяца разъезжаются на места, где они пробудут до ноября месяца. Поэтому ЦК ВКП(б) просит тов. Мао Цзэдуна приурочить свой приезд в Москву к концу ноября, чтобы иметь возможность повидаться со всеми руководящими товарищами”. Stalin”⁴¹.

Этот ответ, видимо, взбесил Мао Цзэдуна, поскольку он не ожидал такого шага со стороны Сталина, который прежде сам настаивал на скорейшем приезде китайского лидера в Москву. Ему только оставалось гадать: что скрывается за таким шагом Сталина? Мне кажется, что Stalin решил показать, кто в действительности является хозяином положения.

О реакции Мао Цзэдуна сообщил в Москву А. Я. Орлов:

“Мао Цзэдун не принял всерьез ссылок на занятость советских руководителей хлебозаготовками. «Неужели, — сказал он, — в СССР придают такое большое значение хлебозаготовкам, что на них выезжают руководящие лица ЦК партии?» ... Насколько я знаю Мао Цзэдуна более шести лет, его улыбка и слова «хао, хао — хорошо, хорошо», в то время когда он слушал перевод, отнюдь не означали, что он доволен телеграммой. Это достаточно ясно было видно. По моему личному убеждению, Мао Цзэдун считал, что в худшем случае ему будет отказано в присыпке самолета или судна. Но даже это было для него маловероятно, тем более что самолет был предложен из Москвы. Он был уверен, что именно сейчас он поедет. Видимо, поездка для него самого стала нужной. С большим нетерпением ждал он ответа... Чемоданы Мао Цзэдуна упаковывались, даже были куплены кожаные туфли (он, как и все здесь, ходит в матерчатых тапочках), сшито драповое пальто. Вопрос не только о самой поездке, но и о сроке им был решен. Оставалось только, каким путем ехать. Он сейчас внешне спокоен, вежлив и внимателен, чисто по-китайски любезен...”⁴²

Вместе с тем, Мао как человек восточного склада сделал вид, что ничего особенного не произошло. Он послал Stalinу следующий ответ, как бы обмениваясь любезностями: “ Тов. Stalin. Согласен с Вашим мнением, изложенным в телеграмме от 14 июля. Отложим поездку к вам до конца октября — начала ноября”⁴³.

⁴⁰ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга I. С. 445.

⁴¹ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга I. С. 447.

⁴² Советско-китайские отношения... Т. V. Книга I. С. 448—449.

⁴³ И. Stalin. Соч. Т. 18. С. 507.

Поездка, таким образом, еще раз откладывалась, а проблемы, которые тревожили лидера китайских коммунистов, оставались и нуждались если не в согласовании, то, по крайней мере, в обстоятельном обсуждении на самом высшем уровне. Какие же вопросы хотел поставить Мао Цзэдун перед Сталиным? Какие советы он желал получить и на что при этом надеялся?

Косвенным ответом на поставленные вопросы стал отчет А.Я. Орлова о беседе с Мао 28 июля 1948 г. Согласно этому отчету, Мао Цзэдун говорил, если в 1947 году он не спешил с поездкой в Москву, то сейчас, в 1948 году, обстановка изменилась и он хочет поскорее поехать в Москву. О многом хочет поговорить там, по некоторым вопросам попросить совета, по некоторым — помощи, в пределах возможного.

Вопросы, по которым Мао Цзэдун намерен говорить в Москве, суть:

1.Об отношениях с малыми демократическими партиями и группами (и демократическими деятелями).

О созыве политического консультативного совета.

2.Об объединении революционных сил Востока и о связи между коммунистическими партиями Востока (и другими).

3.О стратегическом плане борьбы против США и Чан Кайши.

4.О восстановлении и создании промышленности в Китае, в том числе (и в особенности) военной, горнодобывающей, путей сообщения — железных и шоссейных дорог. Сказать там, в чем мы (КПК) нуждаемся.

5.О серебряном займе в сумме 30 миллионов американских долларов.

6.О политике (линии) в отношении установления дипломатических отношений с Англией и Францией.

7.По ряду других важных вопросов.

Подытоживая сказанное, Мао Цзэдун подчеркнул: "Надо договориться о том, чтобы наш политический курс полностью совпадал с СССР"⁴⁴.

Комплекс проблем, намеченных Мао для обсуждения, был весьма обширен, хотя сам размер просьбы о займе в сумме 30 миллионов американских долларов выглядит слишком скромным. Однако из сказанного китайским лидером явствовало, что он уже полностью уверен в скорейшей победе над гоминьданом и у него на первый план уже выходят задачи будущего государственного строительства. Конечно, в принципе он был совершенно прав, однако в международной политике трудно предвидеть всего и исключить разного рода неожиданные зигзаги и повороты событий. Видно было также, что Мао рассчитывает на оказание Советским Союзом серьезной помощи в восстановлении и развитии китайской экономики. Кроме Москвы, ему не к кому было обратиться с такой просьбой — он это хорошо сознавал.

В наступившем 1949 году события развивались еще более стремительными темпами. Об этом однозначно говорит следующая телеграмма Сталина Мао Цзэдуну:

"10 января 1949 года

Товарищ Мао Цзэдун.

9 января получили от нанкинского правительства ноту с предложением Советскому правительству принять на себя посредничество между нанкинским правительством и Китайской компартией о прекращении войны и заключении мира. Аналогичное предложение одновременно послано правительствам США, Англии и Франции. Ответа от этих трех правительств нанкинское правительство еще не получило. Советское правительство также еще не дало ответа. По всему вид-

⁴⁴ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга I. С. 451—452.

но, что предложение правительства продиктовано американцами. Цель этого предложения — объявить нанкинское правительство сторонником прекращения войны и установления мира, а Компартию Китая объявить сторонником продолжения войны, если она прямо откажется от мирных переговоров с нанкинцами.

Мы думаем ответить таким образом: Советское правительство стояло и продолжает стоять за прекращение войны и установление мира в Китае, но раньше, чем дать свое согласие на посредничество, оно хотело бы знать, согласна ли другая сторона — Китайская компартия — принять посредничество СССР. Ввиду этого СССР хотел бы, чтобы другая сторона — Китайская компартия — была осведомлена о мирной акции Китайского правительства, и было бы запрошено согласие другой стороны на посредничество СССР. Мы думаем так ответить и просим сообщить, согласны ли Вы на это. Если не согласны, подскажите нам более целесообразный ответ.

Мы думаем также, что Ваш ответ, если Вас запросят, должен быть, примерно, таким: Китайская компартия всегда высказывалась за мир в Китае, ибо гражданскую войну в Китае начала не она, а нанкинское правительство, которое и должно нести ответственность за последствия войны. Китайская компартия стоит за переговоры с Гоминьданом, однако без участия тех военных преступников, которые развязали гражданскую войну в Китае. Китайская компартия стоит за непосредственные переговоры с Гоминьданом без каких-либо иностранных посредников. Китайская компартия особенно считает невозможным посредничество такой иностранной державы, которая своими вооруженными силами и флотом сама участвует в гражданской войне против китайских народно-освободительных войск, ибо такая держава не может быть признана нейтральной и объективной в деле ликвидации войны в Китае. Мы думаем, что Ваш ответ должен быть, примерно, таким. Если Вы не согласны, сообщите нам Ваше мнение.

Что касается Вашей поездки в Москву, то мы думаем, что ввиду изложенных выше обстоятельств Вам следовало бы, к сожалению, еще раз отложить Ваш отъезд на некоторое время, ибо Ваша поездка в Москву в этих условиях будет использована врагами для дискредитации Китайской компартии как силы, якобы несамостоятельной и зависимой от Москвы, что, конечно, невыгодно как для Компартии Китая, так и для СССР.

Ждем ответа⁴⁵.

В дополнение Сталин отправил приписку следующего содержания:

“Как видно из сказанного выше, наш проект Вашего ответа на предложение Гоминьдана рассчитан на срыв мирных переговоров. Ясно, что Гоминьдан не пойдет на мирные переговоры без посредничества иностранных держав, особенно без посредничества США. Ясно также, что Гоминьдан не захочет вести переговоры без участия Чан Кайши и других военных преступников. Мы рассчитываем поэтому, что Гоминьдан откажется от мирных переговоров при тех условиях, которые выставляет КПК. В результате получится, что КПК согласна на мирные переговоры, ввиду чего ее нельзя обвинять в желании продолжать гражданскую войну. При этом Гоминьдан окажется виновником срыва мирных переговоров. Таким образом мирный маневр гоминьданцев и США будет сорван, и Вы можете продолжать победоносную освободительную войну.

Ждем ответа.

Филиппов⁴⁶.

⁴⁵ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 15–16.

⁴⁶ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 16–17.

Читатель уже, вероятно, утомился, знакомясь с деталями переписки двух лидеров. Но мне представляется, что реальный исторический материал гораздо лучше, чем мои комментарии или рассуждения, способен как раскрыть суть происходивших событий, так и атмосферу, которая господствовала в отношениях между Сталиным и Мао Цзэдуном. В качестве финального аккорда приведу последнюю телеграмму, которая как бы венчает собой согласование действий двух сторон в отношении условий окончания войны.

Вот текст телеграммы Сталина от 14 января 1949 г.:

“14 января 1949 года

Товарищу Мао Цзэдуну.

Вашу большую телеграмму о нанкинском мирном предложении получили.

1. Конечно, было бы лучше, если бы мирного предложения нанкинского правительства не существовало, если бы не существовало всего этого мирного маневра США... Но, к сожалению, маневр этот существует, он является фактом, и мы не можем закрывать глаза на этот факт, обязаны считаться с ним.

2. Несомненно, что мирное предложение нанкинцев и США является проявлением политики обмана. Во-первых, потому, что нанкинцы на самом деле не хотят мира с Компартией, ибо мир с Компартией означал бы отказ Гоминьдана от своей основной политики ликвидации Компартии и ее войск, а этот отказ повел бы к политической смерти гоминьдановских руководителей и к полному развалу гоминьдановских войск. Во-вторых, потому, что они знают, что Компартия не пойдет на мир с Гоминьданом, так как она не может отказаться от своей основной политики ликвидации Гоминьдана и его войск.

Чего же хотят нанкинцы в конце концов? Они хотят не мира с Компартией, а перемирия с ней, временного прекращения военных действий, чтобы использовать перемирие как передышку, привести в порядок гоминьдановские войска, укрепить южный берег Янцзы, подвезти вооружение из США, накопить силы и потом сорвать перемирие и ударить по народно-освободительным войскам, взявлив вину за срыв переговоров на Компартию. Минимум, чего они хотят, — это помешать Компартии добить гоминьдановские войска.

В этом основа нынешней политики обмана, проводимой нанкинцами и США.

3. Как можно ответить на такой маневр нанкинцев и США? Возможны два ответа. Первый ответ: прямо и неприкрыто отклонить мирные предложения нанкинцев и тем самым провозгласить необходимость продолжения гражданской войны. Но что это будет означать? Это значит, во-первых, что вы выложили на стол свой главный козырь и отдаете в руки гоминьдановцев такое важное оружие, как знамя мира. Это значит, во-вторых, что вы помогаете вашим врагам в Китае и вне Китая третировать Компартию как сторонницу продолжения гражданской войны и хвалить Гоминьдан как защитника мира. Это значит, в-третьих, что вы даете возможность США обработать общественное мнение Европы и Америки в таком направлении, что с Компартией мир невозможен, так как она не хочет мира, что единственное средство добиться мира в Китае — организовать вооруженную интервенцию держав, вроде той интервенции, которая проводилась в России в течение четырех лет с 1918 по 1921 гг.

Мы думаем, что прямой и неприкрытый ответ хорош, когда имеешь дело с честными людьми, а если приходится иметь дело с политическими жуликами, вроде нанкинцев, то прямой и неприкрытый ответ может стать опасным.

Но возможен и другой ответ. А именно: а) признать желательным установление мира в Китае; б) переговоры между сторонами вести без иностранных по-

средников, ибо Китай является независимой страной и не нуждается в иностранных посредниках; в) переговоры вести между Компартией и Гоминьданом как партией, а не с нанкинским правительством, являющимся виновником гражданской войны и потерявшим ввиду этого доверие народа; г) как только стороны придут к соглашению по вопросам мира и руководства Китаем, военные действия прекращаются.

Может ли Гоминьдан принять эти условия? Мы думаем, что не может. Но если Гоминьдан не примет этих условий, народ поймет, что виновником продолжения гражданской войны является Гоминьдан, а не Компартия. Знамя мира в этом случае остается в руках Компартии. Это обстоятельство важно особенно теперь, когда в Китае появилось множество людей, уставших от гражданской войны и готовых поддержать сторонников установления мира.

Но допустим невероятное и предположим, что Гоминьдан принял эти условия. Каковы должны быть планы действий Компартии?

Нужно будет, во-первых, не прекращать военных действий, создать коалиционные центральные правительственные органы с таким расчетом, чтобы в Консультативном Совете примерно три пятых мест, а в правительстве две трети портфелей оставалось у коммунистов, а остальные места и портфели распределить между другими демократическими партиями и Гоминьданом.

Нужно, во-вторых, чтобы посты премьера, главкома и, по возможности, президента остались за коммунистами.

Нужно, в-третьих, чтобы Консультативный Совет объявил созданное таким образом коалиционное правительство единственным правительством Китая, а всякое другое правительство, претендующее на роль правительства Китая, объявить мятежной и самозваной группой, подлежащей упразднению.

Нужно, наконец, чтобы коалиционное правительство издало приказ как нашим войскам, так и войскам Гоминьдана о том, чтобы войска приняли присягу на верность коалиционному правительству, а также о том, что немедленно прекращаются военные действия против тех войск, которые присягнули, и будут продолжаться военные действия против тех войск, которые отказались принять присягу.

Едва ли гоминьдановцы пойдут на эти мероприятия, но если они не пойдут, тем хуже для них, ибо они будут окончательно изолированы, а эти мероприятия будут проведены и без гоминьдановцев.

4. Так мы понимаем дело, и таковы наши советы Вам. Возможно, что в предыдущей телеграмме мы не вполне ясно изложили наши советы.

Мы просим Вас рассматривать наши советы именно как советы, которые ни к чему Вас не обязывают и которые можете принять или отклонить. Можете быть уверены, что отклонение наших советов не повлияет на наши отношения, и мы останемся такими же Вашими друзьями, какими были всегда.

5. Что касается нашего ответа на предложение нанкинцев о посредничестве, наш ответ будет составлен в духе Ваших пожеланий.

6. Мы все же настаиваем, чтобы Вы отложили временно Вашу поездку в Москву, так как Ваше пребывание в Китае очень необходимо в настоящее время. Если хотите, мы можем немедленно послать к Вам ответственного члена Политбюро в Харбин или в другое место для переговоров по интересующим Вас вопросам.

Филиппов

14 января 1949 г.⁴⁷.

⁴⁷ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 21–22.

Текст телеграммы учитывал наиболее вероятные варианты развития событий на китайской политической сцене. Причем красной нитью проходила идея о том, чтобы показать перед всем миром, в том числе и Западом, что коммунисты выступают за достижение соглашения, но на строго определенных условиях, поскольку в прошлом многократно сталкивались с грубым попранием со стороны гоминьдана достигнутых договоренностей. В данном случае чего-либо иного от них ожидать было нельзя. Но нельзя было отказываться от самой идеи переговоров, поскольку китайский народ страшно устал от бесконечной войны и страстно желал мира. Коммунисты в своей стратегии обязаны были принимать это во внимание. Вместе с тем, было совершенно очевидно, что со стороны гоминьдана при активном содействии США разыгрывается крупная политическая игра, направленная на дискредитацию компартии и перехват инициативы в переговорах. Это могло бы иметь серьезные международно-политические последствия. Сталин, как опытный политический деятель и дипломат, учел возможный в таких условиях разворот событий, и дал китайским коммунистам ряд тщательно взвешенных рекомендаций. При этом важно подчеркнуть, что он особый акцент сделал на том, что китайские руководители могут принять или отклонить эти советы и это никак не отразится на взаимных отношениях. О каком-либо диктате здесь не могло быть и речи. Просто сложившаяся ситуация требовала проявить максимум осторожности и осмотрительности и поставить гоминьдановцев в положение, когда не коммунисты, а они сам отвергают мирные предложения. Словом, в этом письме-рекомендации все было взвешено и просчитаны наиболее вероятные ходы со стороны противной стороны. Думается, что в данном случае советы Сталина сыграли свою позитивную роль.

Сталин посыпает А.И. Микояна в Китай для переговоров с лидерами КПК

Новая ситуация по-новому поставила и вопрос о поездке Мао Цзэдуна в Москву. Как свидетельствует А.И. Микоян в своем отчете о беседах с руководителями КПК в 1949 году, написанном им в 1960 году,* на Политбюро ЦК при обсуждении ответа Мао Цзэдуна на запрос о времени его приезда Сталин высказал соображение о том, что приезд Мао Цзэдуна в данное время вряд ли целесообразен. Он находился в то время в роли партизанского руководителя, и хотя намечался его приезд инкогнито, но скрыть поездку было невозможно, сведения об его отъезде из Китая наверняка бы просочились. Поездка его, без сомнения, была бы истолкована на Западе как посещение Москвы для получения инструкций от компартии Советского Союза, а сам он назван московским агентом. Это нанесло бы ущерб престижу КПК и было бы разыграно империалистами и кликой Чан Кайши против китайских коммунистов.⁴⁸

Доводы Сталина звучали убедительно, и было принято решение послать в Китай для переговоров с лидерами КПК А.И. Микояна. “В Китай я направился

* Последнее обстоятельство кого-то может подвигнуть к мысли, что сам отчет был составлен уже в новой обстановке развертывавшейся советско-китайской полемики. А потому не может рассматриваться как вполне объективный. Однако само содержание отчета, характер обсуждавшихся вопросов и содержание позиций сторон дают все основания квалифицировать этот отчет как вполне достоверный, соответствующий фактам, а не конъюнктуре тех лет.

⁴⁸ Советско-китайские отношения... Т. В. Книга 2. С. 336.

под фамилией Андреев и так и подписывал телеграммы, адресуя их на вымышленную фамилию Филиппова. Сделано это было по инициативе Сталина на случай, если бы из Китая просочилась информация о моем пребывании там.

Вылетел я в Китай 26 января, прибыл туда 30 января и пробыл до 8 февраля 1949 года. Со мной вместе были в Китае б. министр путей сообщения Ковалев, намечавшийся тогда в качестве нашего представителя при ЦК КПК и переводчик, работник аппарата ЦК тоже по фамилии Ковалев.

Из Порт-Артура вылетели рано утром до рассвета и к рассвету прибыли на б. японский военный аэродром около Шицзячжуан. Встречали главком Чжу Де, член политбюро Жэнь Биши и переводчик Ши Чже. Отсюда на трофейном додже ехали километров 160–170 к местонахождению ЦК партии и ревкома – Сибэйпо, расположенному в горном ущелье⁴⁹.

Начались почти десятидневные переговоры. Микоян был тогда одним из ближайших соратников Сталина и обладал большим политическим и дипломатическим опытом. Кроме того, он слыл хорошим полемистом, ясно и четко излагавшим свою точку зрения и умевшим ее твердо отстаивать. Так что выбор Сталина был закономерен.

В порядке подготовки к поездке Микоян набросал список возможных вопросов, которые китайцы могут поставить перед нами, обдумал возможные ответы и обсудил их со Сталиным и другими членами Политбюро.

Микоян отмечает, что ко времени его поездки между двумя сторонами выявились два дискуссионных вопроса, по которым Сталин и Мао имели различные точки зрения. Об этих спорных вопросах Stalin уже писал в приведенных выше телеграммах Мао Цзэдуну: о несогласии ЦК ВКП(б) с точкой зрения КПК, что после победы китайской революции все партии, кроме коммунистической, должны сойти с политической сцены; о различных подходах к проблеме посредничества Москвы между нанкинским правительством и КПК. Полагаю, что нет смысла вновь возвращаться к данной теме и повторять то, что было достаточно ясно сформулировано в телеграммах Сталина Мао Цзэдуну. В своем отчете Микоян самым подробным образом изложил суть этих проблем и характер разногласий.

Что касается Мао Цзэдуна, то он прочитал Микояну чуть ли не целый курс по истории КПК и всех перипетиях внутрипартийной борьбы, в которой его оппоненты, опираясь на поддержку Коминтерна, навязали партии ошибочную линию и чуть ли не довели партию и армию до полного поражения. Посланец Москвы уклонился от обсуждения деталей внутренней борьбы в КПК, поскольку не это сейчас стояло в порядке дня, были вопросы и поважнее и актуальнее.

Микоян писал: “Заслуживают внимания некоторые вопросы, обсужденные с Мао Цзэдуном и другими членами Политбюро КПК:

I. На мой вопрос, когда думает Мао Цзэдун завершить захват основных промышленных центров Китая – Нанкин, Шанхай и др., он сказал, что с этим не торопится. Он говорил, например, что «потребуется еще 1-2 года для того, чтобы мы были в состоянии целиком политически и экономически овладеть Китаем», давал понять, что до этого война кончиться не может.

При этом высказал и такую мысль, что они избегают брать крупные города, а стараются захватить сельские районы. Например, не хотят брать Шанхай. Шанхай – мол, крупный город, а у китайской компартии нет кадров. Компартия в

⁴⁹ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 338–339.

основном состоит из крестьян, в Шанхае коммунистическая организация слабая. Наконец, Шанхай живет за счет привозного сырья и топлива. И если они возьмут Шанхай, то привоза топлива не будет, промышленность остановится, разрастется безработица, все это ухудшит положение населения. КПК должна подготовить кадры, к чему уже приступили, и в свое время, когда кадры будут готовы, они займут Шанхай и Нанкин”⁵⁰.

Далее Микоян свидетельствует, что, руководствуясь позицией ЦК, выработанной еще до его отъезда из Москвы, он оспаривал это, доказывал, что чем скорее они займут большие города, тем лучше, кадры вырастут в ходе борьбы. Рано или поздно вопрос о продовольствии и сырье для Шанхая все равно встанет. Зато занятие Шанхая серьезно ослабит Чан Кайши, даст пролетарскую основу коммунистам.

II. Мао Цзэдун не придавал необходимого значения пролетарской прослойке в составе компартии и внимание КПК к городу и рабочему классу было слабее, чем к крестьянству. Эта позиция коренилась в старом времени, когда компартия и армия действовали в горах, далеко от рабочих центров. Времена изменились, а отношение к рабочим осталось прежним.⁵¹

Мне уже доводилось затрагивать вопрос о том, какое значение Мао придавал крестьянам и их роли в достижении победы в народной революции. Объективные факты однозначно говорят в пользу того, что позиция Мао и его сподвижников по данной проблеме была, скорее, правильной, чем ошибочной. Победа народной революции свидетельствует об этом убедительнее самых красноречивых рассуждений. Жизнь оказалась сильнее марксистских догм, а китайские коммунисты в данном случае как раз и были реалистами, а не твердолобыми и упрямыми догматиками и схоластами. В этом коренном вопросе китайской революции Сталин придерживался ортодоксальных взглядов, и если бы китайские коммунисты слепо следовали его указаниям, то неизвестно, каковы были бы итоги гражданской войны и кто бы оказался победителем.

Из записей бесед Микояна видно, что китайский лидер с удовольствием подчеркивал, что компартия пользуется безраздельным влиянием в деревне, там у нее нет конкурентов. В этом коммунистам помог Чан Кайши своей политикой в отношении крестьянства. Другое дело в городах. Здесь, если среди студенчества компартия пользуется сильным влиянием, то в рабочем классе Гоминьдан сильнее компартии. Например, в Шанхае после победы над Японией, когда компартия работала легально, ее влияние распространялось примерно на 200 тыс. рабочих из 500 тыс. рабочих, остальные шли за Гоминьданом.

Микоян обращает внимание и на такое высказывание Мао Цзэдуна: “Китайские крестьяне сознательнее всех американских рабочих и многих английских рабочих”.⁵²

Касаясь других проблем, посланец Сталина уговаривал Мао Цзэдуна не откладывать образования революционного правительства Китая, создать его быстро на базе коалиции, что будет выгодно. Скажем, сразу после занятия Нанкина или Шанхая объявить о создании нового революционного правительства. Это было бы выгодно и в международном отношении – после этого коммунисты

⁵⁰ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 339.

⁵¹ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 339.

⁵² Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 340.

действовали бы уже не как партизаны, а как правительство — и это облегчило бы дальнейшую борьбу с Чан Кайши.

Мао Цзэдун считал, что не следует торопиться с созданием правительства, говорил даже, что им выгоднее жить без правительства. Если, мол, будет правительство, то будет коалиция, значит, и перед другими партиями нужно будет держать ответ за свои дела, что внесет сложность. Пока же они действовали как революционный комитет, независимо от партий, хотя и поддерживали связь с другими партиями. Это, утверждал Мао Цзэдун, помогает очистить страну от контрреволюционных элементов. Он упорствовал в этом деле, доказывал, что правительство надо организовать не сразу после взятия Нанкина (предполагалось в апреле), а лишь в июне или июле. Микоян же настаивал на том, что лишняя отяжка образования правительства ослабляет силы революции.⁵³

Следующим вопросом, стоявшим на обсуждении, был вопрос о Порт-Артуре. Китайские коммунисты выступили за то, чтобы эта база сохранилась. Они указывали, что американский империализм сидит в Китае для угнетения, а Советский Союз сидит в Порт-Артуре для защиты от японского милитаризма. Когда Китай настолько окрепнет, что будет в состоянии защищаться от японской агрессии, тогда СССР сам не будет нуждаться в базе в Порт-Артуре.

Сталин имел иной подход к этому вопросу, и он сводился к тому, что не нужно иметь там базу, если правительство в Китае будет коммунистическим. Китайцы настаивали на своем. Микоян проинформировал Сталина, и тот в телеграмме для Мао Цзэдуна 5 февраля 1949 г. сообщил свое решение:

«...С приходом к власти китайских коммунистов обстановка меняется в корне. У Советского правительства имеется решение отменить этот неравный договор и увести свои войска из Порт-Артура, как только будет заключен мир с Японией и, следовательно, американские войска уйдут из Японии. Однако, если Компартия Китая сочтет целесообразным немедленный вывод советских войск из Порт-Артурского района, то Советский Союз будет готов исполнить это пожелание КПК»⁵⁴.

При обсуждении вопроса о Синьцзяне выяснилось, что у китайского руководства были подозрения в отношении наших намерений в Синьцзяне, поскольку там сторонники независимости Синьцзяна располагали советским оружием. Микоян заявил, что Советский Союз не сторонник независимости синьцзянских народностей и, тем более, Москва не имеет никаких притязаний на синьцзянскую территорию, считая, что Синьцзян входит и должен входить в состав Китая.

Китайскими лидерами был поднят вопрос о Монголии. Мао Цзэдун спросил, как мы относимся к объединению Внешней и Внутренней Монголии. Микоян ответил, что мы такое объединение не поддерживаем, так как оно привело бы к потере значительной территории Китая. Мао Цзэдун сказал, что он считает, что Внешняя и Внутренняя Монголия могли бы объединиться и войти в состав Китайской Республики. На это Микоян ему заявил, что это невозможно потому, что Монгольская Народная Республика давно пользуется независимостью. После победы над Японией и китайское государство признало независимость Внешней Монголии. МНР имеет свою армию, свою культуру, быстро идет по пути культурного и хозяйственного развития, она давно поняла вкус независимости и вряд ли когда-нибудь добровольно от независимости откажется.⁵⁵

⁵³ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 340.

⁵⁴ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 340–341.

⁵⁵ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 341.

Микоян в своем отчете специально подчеркнул, что “Мао Цзэдун все время говорил, что они, ЦК КПК, ждут указаний и руководства от нашего ЦК. Я ему отвечал, что ЦК нашей партии не может вмешиваться в деятельность ЦК Коммунистической партии Китая, не может давать никаких указаний, не может руководить Компартией Китая. Каждая из наших партий самостоятельна, мы можем давать только советы, когда нас об этом попросят, но указаний давать не можем.

Мао Цзэдун упорствовал, заявлял, что ждет указаний и руководства от нашего ЦК, так как у них еще мало опыта, нарочито принижал свою роль, свое значение, как руководителя и как теоретика партии, говорил, что он только ученик Сталина, что он не придает значения своим теоретическим работам, так как ничего нового в марксизме он не внес и проч.

Это, я думаю, восточная манера проявления скромности, но это не соответствует тому, что на деле Мао Цзэдун собой представляет и что он о себе думает.

В подтверждение сказанного выше приведу некоторые выдержки из имевших тогда место бесед с Мао Цзэдуном. Уже во время первой беседы он заявил:

«Прошу учесть, что Китай сильно отстал от России, мы слабые марксисты, делаем много ошибок, и если к нашей работе подходить с меркой России, то окажется, что у нас ничего нет». Далее Микоян приводит слова Мао Цзэдуна, что “он, как лидер партии, ничего нового не внес в марксизм-ленинизм и не может себя ставить в один ряд с Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным.

Подняв бокал за здоровье товарища Сталина, он подчеркнул, что в основе теперешних побед китайской революции лежит учение Ленина–Сталина и что Сталин не только учитель народов СССР, но и учитель китайского народа и народов всего мира. О себе Мао Цзэдун сказал, что он ученик Сталина и не придает значения своим теоретическим работам, что они только претворяют в жизнь учение марксизма-ленинизма, ничем его не обогашая⁵⁶. Мао Цзэдун несколько раз подчеркнул, что он является учеником товарища Сталина и держится просоветской ориентации. Во время последней беседы, состоявшейся 7 февраля, Мао Цзэдун выразил удовлетворение проведенным обсуждением важнейших вопросов и горячо благодарили Сталина за заботу о китайской революции.⁵⁷

Как отмечает А.М. Ледовский, в отчете Микояна отражены далеко не все вопросы, обсуждавшиеся на встречах с китайскими лидерами, в частности, в предварительном плане подвергся рассмотрению вопрос о заключении договора между двумя странами, а также ряд других немаловажных проблем. В целом переговоры прошли достаточно успешно, они прояснили позиции сторон по самым важным вопросам и в какой-то мере подготовили почву для дальнейших переговоров. Хотя серьезных практических решений, особенно по экономическим вопросам, принято не было. Между тем, китайское руководство просило ускорить рассмотрение и осуществление поставок по предыдущим заявкам КПК. Для обсуждения вопросов дальнейшей экономической и военной помощи, а также вопроса о займе руководство КПК намеревалось направить в СССР специальную делегацию.⁵⁸

⁵⁶ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 342–343.

⁵⁷ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 343–344.

⁵⁸ А.М. Ледовский. СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 79.

Переговоры Сталина с делегацией КПК во главе с Лю Шаоци

Делегация во главе с секретарем ЦК КПК Лю Шаоци посетила Москву в секретном порядке в июне—июле 1949 г. и вела переговоры с И.В. Сталиным и другими советскими руководителями. Будучи ограниченным пространством, я не намерен подробно останавливаться на визите делегации во главе с Лю Шаоци. Коснусь лишь некоторых важных, на мой взгляд, аспектов.

Сталин лично принял делегацию и провел с ней переговоры по ряду актуальных вопросов. Во время приема, продолжавшегося час, советский лидер заявил, что Советский Союз решил предоставить ЦК КПК кредит в 300 млн. долларов. При этом он заметил, что подобное соглашение между двумя партиями заключается впервые в истории.

Кредит в 300 млн. долларов с одним процентом годовых будет предоставлен Китаю в виде оборудования, машин и различного рода материалов и товаров равными частями по 60 млн. долларов в год, в течение 5 лет.

Погашение кредита Китаем будет происходить в течение 10 лет после полной реализации кредита. При этом тов. СТАЛИН сказал о том, что тов. МАО ЦЗЭДУН в телеграмме на его имя высказал мнение, что 1% годовых мал для такого кредита, его следовало бы увеличить.

Тов. СТАЛИН разъяснил делегации, что странам западной демократии Советский Союз предоставил кредиты с 2% годовых, с Китая же берется один процент потому, что там, в отличие от стран западной демократии, где войны нет и их хозяйство уже окрепло, идет война, продолжается разруха и в силу этого Китаю требуется большая помощь на более льготных условиях.

Затем тов. СТАЛИН, смеясь, сказал: Ну, уж если Вы будете настаивать на большем проценте годовых, то это дело Ваше, мы можем принять и больший процент.⁵⁹

Затронут был вопрос и о посылке в Китай советских специалистов. Stalin заявил, что СССР готов уже в ближайшее время отправить первую просимую группу. «Но нам нужно договориться об условиях содержания специалистов. Мы считаем, что оплата, возможно продовольствие, если вы его выдаете своим специалистам, должны стоять на уровне высшей оплаты Ваших лучших специалистов, не ниже, но и не выше. В связи с тем, что у наших специалистов ставки высокие, мы им, если это потребуется, доплатим за счет Советского государства.

Мы просим Вас, сказал тов. СТАЛИН, чтобы Вы о плохом поведении отдельных наших специалистов, если оно будет иметь место, сообщали бы нам, ибо как говорят: в семье не без урода, среди хороших может оказаться и плохой.

Плохое же поведение будет позорить честь Советского Государства, поэтому мы примем меры предупреждения, воспитания, а если нужно и наказания.

Мы не допустим, чтобы советские специалисты смотрели свысока на китайских специалистов и китайский народ и чтобы они относились к нему пренебрежительно»⁶⁰.

Советский вождь счел актуальным поднять вопрос о Синьцзяне. При этом он высказал то соображение, что не следует оттягивать занятие Синьцзяна, потому что оттяжка может повлечь за собой вмешательство в дела Синьцзяна — англи-

⁵⁹ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 148.

⁶⁰ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 149.

чан. Они могут активизировать мусульман, в том числе и индийских, для продолжения гражданской войны против коммунистов, что нежелательно, ибо в Синьцзяне имеются большие запасы нефти и хлопка, в которых остро нуждается Китай.

Китайского населения в Синьцзяне имеется не более 5%, после занятия Синьцзяна следует довести процент китайского населения до 30%. Путем переселения китайцев для всестороннего освоения этого огромного и богатого района и для усиления защиты границ Китая.

Вообще следует в интересах укрепления обороны Китая заселить все приграничные районы китайцами.⁶¹

Помимо этого, Сталин обещал китайцам оказать помощь в создании флота. Он прямо заявил: "Китай должен иметь флот и мы готовы Вам помочь в создании флота"⁶². Поднимались и некоторые другие, более мелкие практические вопросы, и Сталин обещал содействие Советской России в их решении.

Со своей стороны Лю Шаоци направил 4 июля 1949 г. Сталину обстоятельный доклад ЦК КПК о современном этапе китайской революции и советско-китайских отношениях. В этом докладе излагалась позиция руководства компартии Китая по важнейшим внутриполитическим и внешнеполитическим проблемам, а также содержалась информация о намечаемых для реализации мер практического характера во многих направлениях.

Нельзя сказать, что этот доклад во всем был приемлем для Сталина. К примеру, по вопросу о Монголии делегация заявила, что монгольский народ в соответствии с принципом самоопределения наций потребовал независимости и мы должны признать независимость Монголии. Однако, если МНР пожелает соединиться с Китаем, то мы приветствовали бы это. Лишь только народ Монголии имеет право решить этот вопрос.⁶³ Априори можно утверждать, что подобная постановка вопроса о Монголии явно привела Сталина в состояние раздражения, однако его трудно было сбить с намеченного пути: раз вопрос о Монголии был решен, то не было и смысла вновь поднимать его, хотя бы и в такой внешне деликатной и демократической форме.

Лю Шаоци в конспективном виде изложил в письменном докладе Сталину важнейшие принципы будущей внешней политики Китая. Эти принципы включали в себя следующее:

1. Вести борьбу с империалистическими государствами для того, чтобы осуществить полную независимость китайского народа.
2. В международных делах стоять на позициях вместе с СССР и странами новой демократии, бороться против опасности новой войны, защищать мир и демократию во всем мире.
3. Использовать противоречия между капиталистическими странами и внутри этих стран.
4. На основе принципа равноправия и взаимного благоприятствования развивать торговые отношения Китая с иностранными государствами, а особенно с СССР и странами народной демократии.⁶⁴

Китайская делегация по каким-то своим соображениям (возможно, чтобы

⁶¹ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 150.

⁶² Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 150.

⁶³ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 161.

⁶⁴ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 158.

рассеять сомнения Сталина в том, что лидеры КПК придерживаются марксистско-ленинского учения, а не исповедуют некий коммунистический анархизм полутора-китайского типа) сочла необходимым специально подчеркнуть характер своего отношения к советской компартии. Причем сделано это было в подчеркнуто ученических тонах. В докладе по этому поводу говорилось буквально следующее:

“ВКП(б) является главным штабом международного коммунистического движения, а КПК представляет лишь только штаб одного направления. Интересы части должны быть подчинены интернациональным интересам, а поэтому КПК подчиняется решениям ВКП(б), хотя Коминтерн не существует и КПК не входит в состав Информбюро европейских компартий. Если по некоторым вопросам между КПК и ВКП(б) возникнут разногласия, то КПК, изложив свою точку зрения, подчинится и решительно будет выполнять решения ВКП(б). Мы считаем, что необходимо установить как можно более тесные взаимные связи между двумя партиями, взаимно обменяться подходящими политическими ответственными представителями для того, чтобы решать вопросы, интересующие наши две партии и, кроме того, достигать большего взаимного понимания между нашими партиями.

Тов. Мао Цзэдун желает посетить Москву, но теперь он не может секретно приехать в Москву и ему остается лишь только обождать установления дипломатических отношений между СССР и Китаем, когда он сможет легально посетить Москву. Просим посоветовать о времени приезда Мао Цзэдуна в Москву и каким образом это лучше сделать.

Просим дать указания по вышеуказанным всем вопросам.

...Мы желаем, чтобы ЦК ВКП(б) и товарищ Сталин постоянно и без всяких стеснений давали бы свои указания и критиковали бы работу и политику КПК⁶⁵.

Подобного рода заявление явно расходилось как с принципами марксизма-ленинизма, так и с обычной практикой отношений между самостоятельными партиями. Складывалась своеобразная иерархия, где есть старшие и младшие, обязанные (хотя бы добровольно) выполнять волю старших. Сталин решительно и категорически выступил против этого. На встрече с делегацией КПК 11 июля 1949 г. (этот факт, кстати сказать, по неизвестной причине не зафиксирован в документах, на которые я постоянно ссылаюсь; однако я его приведу, поскольку он принципиально важен) Сталин заявил:

“Китайская делегация заявляет, что Коммунистическая партия Китая будет подчиняться решениям Коммунистической партии Советского Союза. Это кажется нам странным. Партия одного государства подчиняется партии другого государства. Такого никогда не было, и это непозволительно. Обе партии должны нести ответственность перед своими народами, взаимно совещаться по некоторым вопросам, взаимно помогать друг другу, а при возникающих трудностях тесно сплачивать обе партии – это верно. Вот сегодняшнее заседание Политбюро с вашим участием явилось одной из форм связи между нашими партиями. Так и должно быть.

...Мы весьма благодарны за такое уважение, однако нельзя воспринимать некоторые мысли, которые мы высказываем, как указания. Можно сказать, что это своего рода братские советы. И это не только на словах, но и на деле. Мы можем вам советовать, но не указывать, так как мы недостаточно осведомлены о

⁶⁵ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 162.

положении в Китае, не можем сравняться с вами в знании деталей этой обстановки, но главное — не можем указывать, потому что китайские дела должны решаться целиком вами. Мы не можем решать их за вас.

Вы должны понять, продолжал И.В. Сталин, важность занимаемого вами положения и то, что возложенная на вас миссия имеет историческое, невиданное ранее, значение. И это отнюдь не комплимент. Это говорит лишь о том, насколько велика ваша ответственность и историческая миссия.

Между нашими двумя партиями необходим обмен мнениями, но наше мнение отнюдь не должно приниматься за указание. Компартии других стран могут отвергнуть наше предложение. И мы, конечно, тоже можем не согласиться с предложениями компартий других стран.

Записал И.В. Ковалев⁶⁶.

Конечно, все, что говорил Сталин, было совершенно правильно и могло лишь вызвать одобрение китайских лидеров. Однако трудно воздержаться от одного комментария. Это были слова, слова красивые, но отнюдь не всегда подкрепляемые действиями. Сталин вел себя по отношению к коммунистическим партиям стран народной демократии не просто как мудрый советчик, рекомендации которого можно было принять или отвергнуть, а как подлинный хозяин — его слово являлось своего рода финальным приговором. И грозовые тучи неизбежно гушились над теми, кто решался ослушаться его совета. Примеров, подтверждающих справедливость данной оценки, было немало: взять хотя бы лидера польских коммунистов Гомулку, который был обвинен в националистическом уклоне, поскольку в своей практической деятельности стремился учитывать польские национальные условия. Возмездие — и не только политическое, но и уголовное — последовало незамедлительно.

По отношению к КПК и ее лидерам Сталин, разумеется, не мог вести себя подобным же образом: во-первых, величины были несоизмеримы — Китай при всех его экономических и иных слабостях являлся великой державой, а во-вторых, китайские коммунисты пришли к власти, прежде всего опираясь на собственные силы. Они никогда не были марионетками Сталина и не плясали под его дудку. И он прекрасно это понимал, и поэтому проводил в отношении китайских руководителей иную, куда более реалистическую и осторожную линию. Кстати сказать, он даже не пытался оказывать на них грубое давление, хотя и знал, что они получали от Советского Союза значительную помощь, сыгравшую не последнюю роль в их окончательной победе. Вопрос состоял также еще и в том, что не только Мао и его соратники нуждались в Сталине и в Советском Союзе, но и Сталин и Советский Союз нуждались в Китае. Здесь была взаимная заинтересованность, обусловленная, главным образом, международной ситуацией. Так что с учетом всех этих факторов легко можно объяснить мнимый либерализм вождя и его благоволение к китайским коммунистам.

5. Сталин и Мао заключают договор о дружбе, союзе и взаимной помощи

1 октября 1949 г. в Пекине на площади Тяньаньмэнь Мао Цзэдун торжественно провозгласил образование Китайской Народной Республики. Это было историческое событие не только в многотысячелетней истории Китая, но и в миро-

⁶⁶ И. Стalin. Соч. Т. 18. С. 531.

вой истории. Оно на деле стало поворотным пунктом в развитии мировых событий, особенно в регионе Азии и Тихого океана. Советский Союз явился первой страной, признавшей новый Китай. Странным — и это бросилось в глаза всем — было то, что Сталин как глава правительства не послал положенного в таких случаях официального поздравления — ведь это была не просто смена очередного правительства, а рождение принципиально нового государства. Со стороны китайского руководства данный поступок мог получить только резко отрицательную реакцию, что незамедлительно и последовало.

Как сообщал в Москву советский посол Н.Н. Рошин (кстати, он являлся и послом при чанкайшистах, но по каким-то странным причинам не был заменен другим лицом, что также вызывало по меньшей мере недоумение, поскольку при сменах режимов, как правило, заменяют и послов), Мао Цзэдун был крайне недоволен тем, что КНР не получила официального поздравления со стороны Советского Союза, хотя от правительства ряда других государств такого рода поздравления пришли в адрес Пекина. Н.Н. Рошин после своей беседы с Мао Цзэдуном 16 октября 1949 г. писал:

“Вслед за этим Мао, вернувшись к вопросу о новых победах лагеря мира и демократии, остановился на создании Германской Демократической Республики, подчеркнув, что значение этого события видно из того, что тов. Сталин лично обратился с посланием к президенту Новой Германской Республики. В то время, когда Мао говорил, что читал текст этого послания, можно было совершенно ясно понять, что он крайне переживает, что Китай до сих пор не получил поздравления от тов. Сталина по случаю создания Китайской Народной Республики. Мао в разговоре несколько раз подчеркнул, что Германская Демократическая Республика создалась на 12 дней позже, чем Китайская Народная Республика”⁶⁷.

Едва ли нужно комментировать данный пассаж. Единственное, что вызывает вопрос: почему так поступил Сталин? Из-за соображений осторожности, чтобы не вызывать недовольство западных держав? Но, как говорится, все уже было сделано до этого, и питать опасения задним числом было просто нелогично. Может быть, вождь хотел этим продемонстрировать, что в Китае сменилось только правительство, и ничего более! Это тем более алогично. По крайней мере, данный демонстрационный шаг Сталина не находит разумного объяснения, а тем более оправдания. Полагаю, что все это не могло не оказаться на предстоявших в Москве переговорах. Тем более, что спорных и дискуссионных проблем и без того было более чем достаточно, хотя внешне данный факт никак не проявлялся.

16 декабря 1949 г. Мао Цзэдун поездом прибыл в Москву. Его сопровождали два помощника — Чэнь Бода, Ши Чжэ — и еще несколько человек. Никого из высокопоставленных официальных лиц в его свите не было. На Ярославском вокзале советским правительством была устроена торжественная встреча со всеми принятыми в то время в СССР высочайшими официальными почестями. Сталина на этой церемонии не было. По существовавшему в те годы дипломатическому протоколу Сталин встречать высоких гостей или провожать их на железнодорожные вокзалы или в аэропорты лично не выезжал. Так было и на этот раз. Мао Цзэдуна встречали от имени Сталина два заместителя председателя Совета Министров СССР — В.М. Молотов и Н.А. Булганин, а также министр внешней торговли М.А. Меньшиков, зам. министра иностранных дел А.А. Громыко и другие официальные лица. На церемонии встречи присутствовали со-

⁶⁷ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С.193.

трудники посольства КНР в Москве во главе с послом Ван Цзясяном и послы социалистических стран.

В тот же день состоялась встреча Сталина с Мао Цзэдуном. Есть свидетельства того, что при первой встрече Stalin, увидев Мао, сказал: «Я никак не ожидал, что вы такой молодой и такой крепкий. Вы одержали великую победу, а победителей не судят»⁶⁸.

Как пишет А.М. Ледовский, беседа носила очень теплый, дружественный, откровенный и взаимно уважительный характер. Это опровергает распространявшиеся в некоторых странах в годы «холодной войны» вымыслы, будто Stalin очень долго не принимал Мао Цзэдуна и относился к нему без должного внимания и уважения.⁶⁹

Относительно последнего замечания А.М. Ледовского, что Stalin относился к Мао без должного внимания и уважения, существуют и прямо противоположные версии. Этого вопроса я коснусь несколько позже. Здесь я приведу свидетельства Н.Т. Федоренко — переводчика Stalin на переговорах, поскольку они представляют для читателя несомненный интерес, так как касаются не только хода самих переговоров, но и атмосферы, царившей на них, такие нюансы, которые знакомы были лишь немногим.

Н.Т. Федоренко пишет: «Встречи и беседы Stalin и Мао Цзэдун проходили обычно на подмосковной даче в Кунцеве. Время всегда было ночное. За длинным столом, в самом начале которого сидел Stalin, как правило, располагались члены Политбюро ЦК ВКП(б). Мао Цзэдун занимал место рядом с хозяином, если не считать переводчика, который находился между ними. Китайские товарищи занимали места по соседству со своим лидером.

Стол всегда был сервирован: у каждого места — обеденный прибор, бокалы, рюмки, минеральная вода, несколько бутылок грузинского сухого вина. Водка не подавалась. На столе также стояли блюда с парниковыми овощами и зеленью...»⁷⁰

Касаясь содержания самих переговоров, Федоренко отмечает, что темы собеседований были самые различные. Строгой повестки дня не существовало. Разговор практически происходил между Stalinом и Мао Цзэдуном. Остальные молчали. Однако в ходе непринужденного разговора собеседники обменивались суждениями по военным, политическим, экономическим и идеологическим вопросам. Именно так были согласованы принципиальные положения Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Конкретные переговоры по содержанию статей договора велись также между делегациями — советской во главе с А.И. Микояном и китайской, возглавлявшейся Чжоу Эньлаем.⁷¹

Несомненный интерес представляет то, каким воспринимался Stalin во время переговоров, как он вел их и какое впечатление на участников переговоров производила его манера вести переговоры. По словам Федоренко, Stalin во время бесед с Мао Цзэдуном был всегда спокоен, выдержан, внимателен к гостю. Он никогда не отвлекался ни на что другое. Был всецело сосредоточен на содержании

⁶⁸ Алан Буллок. Гитлер и Stalin. Т. 2. С. 603.

⁶⁹ А.М. Ледовский. СССР и Stalin в судьбах Китая. С. 119.

⁷⁰ Н.Т. Федоренко. Ночные беседы. (Переговоры о советско-китайском договоре.) В книге: Открывая новые страницы... М. 1989. В дальнейшем — Н.Т. Федоренко. Ночные беседы. С. 135.

⁷¹ Н.Т. Федоренко. Ночные беседы. С. 136.

нии беседы. Следил за точностью выражений, строением фразы, отбором слов при переводе. Он был предельно взыскателен к изложению мысли, формулировкам, речевой нюансировке. Можно сказать, что все это было внешним проявлением. Stalin искусно носил маску, за которой скрывалось нечто непостижимое. Тем более что он обладал мягкостью жестов, тонкостью интонаций... Stalin обладал какой-то гипнотической силой, грозностью, демонической державностью. Весь его облик, манера держаться, беседовать как бы говорили окружающим, что власть должна быть таинственной, ибо сила власти — ее неразгаданность. Отсюда и культ его личности окружен загадочностью, секретностью, окутан великой таинственностью. Конечно, Н.Т. Федоренко говорил о личных своих ощущениях, которые, быть может, не всегда объективны. Само место собеседований, как он его воспринимал, напоминало поле ночных демонических сил. Достаточно было Stalinу появиться в комнате, как все вокруг будто переставали дышать, замирали. Вместе с ним приходила опасность. Возникала атмосфера страха.⁷²

Полагаю, что в данном случае переводчик точно передает дух и атмосферу, которая, по всей вероятности, должна была сказываться и на ощущениях самого Mao. Это достигалось, в частности, тем, что каждая встреча Stalin'a с Mao Цзэдуном приносила нечто неожиданное, непредсказуемое. Содержание бесед всецело определялось хозяином, который, однако, никогда заранее не раскрывал темы разговора. Обычно беседа начиналась с отвлеченных сюжетов.

В одном из интервью, данных Н. Федоренко журналу "Аргументы и факты", ему был задан весьма интересный и важный, с моей точки зрения, вопрос:

— Было заметно, что отношения Stalin'a и Mao — это отношения «старшего брата» и «младшего брата»?

— Отношение Stalin'a к Mao Цзэдуну менялось со временем. Сначала... Stalin считал Mao крестьянским лидером, который, как редиска, «сверху — красивый, внутри — белый». Чан Кайши в то время казался надежнее. Но постепенно Stalin увидел в Mao настоящего «кормчего» с железной хваткой. Я участвовал тогда в переговорах с Чан Кайши и видел, как того стали быстро отодвигать на второй план, превращая во «врага китайского народа».

...Для Mao Stalin был «глыбой», тонким аналитиком, великим артистом и режиссером политического действия. Но, возвеличивая Stalin'a, он возвеличивал и себя, готовя себя на роль преемника — пусть пока только на Дальнем Востоке, а потом... Кто знает? Позднее мне стало казаться, что Stalin начинает побаиваться того, что Mao, руководивший революционными процессами в огромной стране, когда-нибудь станет вровень с «учителем всех времен и народов» или даже где-то оттеснит его на второй план⁷³.

Но прервем пока повествование об атмосфере встречи и тех впечатлениях, которые произвел Stalin на ее участников. Обратимся к главным предметам самого визита и, соответственно, переговоров двух лидеров. Сначала переговоры проходили в Кремле, но последующие беседы переместились на «ближнюю» stalinскую дачу в Кунцево. Обычно они шли с 10 часов вечера до 2–3 часов утра. Повестки дня — или, если говорить точнее, скорее «повестки ночи» — как таковой не было. Но над всем властновала жесточайшая воля, жесточайшая дисциплина Stalin'a. Он руководил всем. Об этом чуть ли не в один голос говорят те, кто так или иначе был причастен к переговорам.

⁷² Н. Т. Федоренко. Ночные беседы. С. 138–139.

⁷³ «Аргументы и факты». № 41. 8 октября 1998 г.

Мао Цзэдун начал с заявления о том, что в настоящее время главнейшим вопросом является вопрос о мире. Он особо подчеркнул, что Китай нуждается в мирной передышке продолжительностью в 3-5 лет, которая была бы использована для восстановления предвоенного уровня экономики и стабилизации общего положения в стране. Решение важнейших вопросов в Китае находится в зависимости от перспектив на мир. Он поинтересовался мнением Сталина о перспективах сохранения мира. Ответ Сталина был оптимистичным:

“В Китае, таким образом, идет война за мир. Вопрос о мире более всего занимает и Советский Союз, хотя для него мир существует уже в течение четырех лет.

Что касается Китая, то непосредственной угрозы для него в настоящее время не существует: Япония еще не стала на ноги и поэтому она к войне не готова; Америка, хотя и кричит о войне, но больше всего войны боится; в Европе запуганы войной; в сущности, с Китаем некому воевать, разве что Ким Ир Сен пойдет на Китай?

Мир зависит от наших усилий. Если будем дружны, мир может быть обеспечен не только на 5–10, но и на 20 лет, а возможно, и на еще более продолжительное время”⁷⁴.

Разумеется, главным, определяющим предметом переговоров выступал вопрос о заключении договора между двумя странами. Существовало два варианта – скорректировать существовавший (1945 г.) договор и заключить совершенно новый договор. Западные исследователи отмечают, что Stalin не был склонен отказываться от прежнего договора и заключать принципиально новый. Мотивы были таковы, и о них пишет, в частности, известный биограф Мао Цзэдуна Ф. Шорт: “На самом деле Сталину было прекрасно известно, чего ожидал от него Мао. Китай рассчитывал на то, что Москва аннулирует подписанный с Чан Кайши Договор о советско-китайской дружбе и заключит новый, выдержаный в духе взаимоотношений, которые должны существовать между братскими социалистическими странами.

Однако Stalin вовсе не стремился к этому. Его нежелание формально объяснялось тем, что договор с Чан Кайши вытекал из трехсторонних соглашений, достигнутых в Ялте. Вот почему, как было сказано Мао, отказ хотя бы от одного пункта ласт США и Великобритании законные основания поставить под вопрос и другие параграфы, в частности, касающиеся советских прав на бывшие владения Японии на Курилах и Южном Сахалине. Stalin произнес эту громкую фразу намеренно, давая ею понять: если Мао хочет новых отношений с Москвой, то строиться они будут на условиях России. Существующий договор оставался в силе; признавая его, Мао тем самым признавал и ведущую роль Сталина. Лишь для того, чтобы подсладить пиллюлю, Stalin заметил, что правительствам обеих стран никто не помешает в неформальном, рабочем порядке наполнить подписанный документ более современным содержанием.

Подобные словесные игры были хорошо знакомы Мао.

...Однако сейчас ставки в игре были неизмеримо выше. Взаимоотношения с СССР являлись краеугольным камнем политики Мао в контактах со всеми остальными странами мира. Если Китай так и останется в положении подчиненного, то чего ради вершилась революция? Если Россия будет упрямо придерживаться старых обязательств, то что заставит капиталистические страны строить новый фундамент отношений с Китаем?”⁷⁵

⁷⁴ Советско-китайские отношения... Т. В. Книга 2. С. 229.

⁷⁵ Филип Шорт. Мао Цзэдун. М. 2001. С. 382–383.

Что же, определенная логика в рассуждениях западного автора, безусловно, присутствует, и она как бы косвенно подтверждается записью переговоров между двумя лидерами. Stalin поставил вопрос так: следует ли объявить о сохранении существующего Договора о союзе и дружбе между СССР и Китаем от 1945 г. или заявить, что будут внесены изменения, или теперь же внести в него соответствующие поправки?

Stalin, далее, конкретизировал свою позицию: договор был заключен между СССР и Китаем в результате Ялтинского соглашения, предусматривавшего главнейшие положения договора (вопрос о Курильских островах, Южном Сахалине, Порт-Артуре и др.). Это означает, что указанный договор заключался, так сказать, с ведома Америки и Англии. Имея в виду это обстоятельство, Stalin в своем узком кругу решил пока не изменять никаких пунктов этого договора, так как изменения хотя бы одного пункта могло бы дать Америке и Англии юридический повод поставить вопрос и об изменении пунктов договора, касающихся Курильских островов, Южного Сахалина и др. Поэтому было найдено возможным формально сохранить, а фактически изменить существующий договор, т.е. сохранить формально право Советского Союза на содержание своих войск в Порт-Артуре, но по предложению Китайского правительства вывести находящиеся там части Советской Армии. Такую операцию можно было бы проделать по просьбе китайской стороны.

Что касается КЧЖД, то и в этом случае можно было бы формально сохранить, а фактически изменить соответствующие пункты соглашения с учетом пожеланий китайской стороны.

Если, однако, эта комбинация не удовлетворяет китайских товарищей, говорил Stalin, то они могут выдвинуть свои предложения.⁷⁶

По вопросу о КЧЖД и Порт-Артуре Mao высказался в том духе, что нынешнее положение с КЧЖД и Порт-Артуром соответствует интересам Китая, так как сил одного Китая недостаточно для того, чтобы успешно бороться против империалистической агрессии. Кроме того, КЧЖД является школой по подготовке китайских железнодорожных и промышленных кадров.

Со своей стороны Stalin продолжал убеждать Mao оставить в силе существующий договор, мотивируя это тем, что увод советских войск еще не означает, что Советский Союз отказывается от помощи Китаю, если она, эта модель, потребуется. Дело в том, что нам, как коммунистам, далее говорил Stalin, не совсем удобно держать свои войска на чужой территории, особенно же на территории дружественной страны. Ведь при таком положении всякий может сказать, что если советские войска находятся на китайской территории, то почему, например, англичане не могут держать своих войск в Гонконге, а американцы — в Токио?

Мы, убеждал Stalin, выиграли бы в международных отношениях, если бы советские войска по взаимному согласию были выведены из Порт-Артура. Вывод советских войск вместе с тем явился бы серьезным подспорьем китайским коммунистам в их взаимоотношениях с национальной буржуазией. Все увидят, что коммунисты сделали то, чего не мог сделать Чан Кайши. С национальной буржуазией китайские коммунисты должны считаться.

Договор обеспечивает за СССР право держать свои войска в Порт-Артуре. Но СССР может не использовать этого права и увести войска по просьбе ки-

⁷⁶ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 230.

тайского правительства. Однако, если это не подходит, то войска в Порт-Артуре можно оставить на 2, 5 или 10 лет, как выгодно Китаю. Пусть не поймут, заключил Stalin, что мы хотим бежать из Китая. Мы можем оставить свои войска и на 20 лет.⁷⁷

Мао Цзэдун в конце концов внял доводам Сталина и признал, что при обсуждении вопроса о договоре в Китае китайская сторона не учла позиции Америки и Англии в связи с Ялтинским соглашением. Поэтому, заключил он, мы должны поступать так, как выгодно общему делу. Этот вопрос следует обдумать. Однако уже теперь становится ясным, что сейчас изменять договора не следует, как не следует спешить с выводом войск из Порт-Артура.⁷⁸

Далее Мао поставил вопрос о займе в 300 млн. долларов, а также о содействии СССР в создании в Китае сети воздушного сообщения, флота и другие проблемы экономического порядка. Stalin обещал оказать в этих вопросах необходимую помощь, обратив особое внимание на то, в чьих руках находятся банки, как осуществляется контроль за добычей вольфрама, молибдена, нефти. Особый интерес он проявил к сырью, из которого производят каучук, поскольку Советский Союз испытывал в нем большую потребность.

В заключение первой беседы, видимо, желая сделать приятное своему гостю и показать, что он ценит его теоретические и политические произведения, Stalin предложил перевести на русский язык его работы.

“Stalin: Мы хотели бы получить от Вас список Ваших работ, которые можно было бы перевести на русский язык.

Товарищ Мао Цзэдун: Я занимаюсь просмотром своих работ, которые были напечатаны различными местными издательствами и содержат массу ошибок и искажений. Окончание просмотра материалов я планирую к весне 1950 года. Однако мне хотелось бы получить помощь советских товарищей: во-первых, поработать над текстами с русскими переводчиками, и, во-вторых, получить помощь в редактировании китайского оригинала.

Товарищ Stalin: Это можно сделать. Однако, нуждаешься ли Вы в редактировании Ваших работ?

Товарищ Мао Цзэдун: Нуждаюсь и прошу выделить для этой цели соответствующего товарища, скажем, кого-либо из членов ЦК ВКП(б).

Товарищ Stalin: Если есть нужда, то это сделать можно⁷⁹.

Во второй беседе от 22 января 1950 г. Stalin поставил на обсуждение две группы вопросов: одна касалась существующих соглашений между СССР и Китаем; вторая группа вопросов касалась текущих дел о Маньчжурии, Синьцзяне и др. Мы считаем, заявил он, что эти соглашения надо менять, хотя раньше мы думали, что их можно оставить. Существующие соглашения, в том числе договор, следует изменить, поскольку в основе договора лежит принцип войны против Японии. Поскольку война окончена и Япония оказалась разбитой, положение изменилось, и теперь договор приобрел характер анахронизма.⁸⁰

Как видим, за короткое время позиция Stalin'a в вопросе о заключении договора кардинально изменилась. Очевидно, трезвый анализ ситуации привел его к выводу, что оставлять прежний договор – значит создавать себе много новых

⁷⁷ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 230.

⁷⁸ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 230.

⁷⁹ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 233.

⁸⁰ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 267.

проблем. Кроме того, он, очевидно, пересмотрел свою прежнюю позицию касательно возможной реакции западных держав на заключение договора и пришел к заключению, что что-либо существенное они сделать будут не в состоянии.

Мao весьма позитивно откликнулся на эту перемену в позиции Сталина. По его словам, исходя из нынешней обстановки, мы считаем, что нам следовало бы закрепить существующие между нами дружественные отношения при помощи договоров и соглашений. Это имело бы положительный резонанс как в Китае, так и в области международных отношений. В договоре о союзе и дружбе должно быть зафиксировано все то, что гарантирует процветание наших государств, а также предусмотрена необходимость предотвращения повторения агрессии со стороны Японии. Кроме того, китайский руководитель высказался за то, что в новом договоре следовало бы предусмотреть пункт о консультации по международным вопросам. Включение этого пункта в договор усилило бы наши позиции, поскольку среди китайской национальной буржуазии существуют возражения против политики сближения с Советским Союзом в вопросах международных отношений.⁸¹

По вопросу о Порт-Артуре Москва предложила, чтобы соглашение о Порт-Артуре оставалось в силе до подписания мирного договора с Японией, после чего русские войска выводятся из Порт-Артура. Мao проявил также заинтересованность в том, чтобы Порт-Артур мог бы быть базой для нашего военного сотрудничества, а Дальний – для советско-китайского экономического сотрудничества. В Дальнем имеется целый ряд предприятий, которые мы не в силах эксплуатировать без помощи со стороны Советского Союза. Нам следует развивать там экономическое сотрудничество.⁸² К взаимному удовлетворению был решен и вопрос о КЧЖД – имелось в виду совместное управление этой дорогой. Были также обсуждены и решены по взаимному согласию вопросы, относящиеся к Маньчжурии, Синьцзяну и ряд других.

В заключение беседы Мao Цзэдун заявил: “Я хотел бы отметить, что присланный Вами в Китай авиаполк оказал нам большую помощь. Им перевезено около 10 тыс. человек. Разрешите мне поблагодарить Вас, товарищ Сталин, за помощь и просить Вас задержать этот авиаполк в Китае с тем, чтобы он оказал помощь в переброске продовольствия войскам Лю Бочэна, готовящимся к наступлению в Тибет.

Сталин: Это хорошо, что Вы готовитесь к наступлению. Тибетцев надо взять в руки. По поводу авиаполка поговорим с военными и дадим Вам ответ”⁸³.

Следует отметить, что во время переговоров Мao поднял вопрос об оказании содействия СССР в освобождении Тайваня. Лидер ЦК КПК попросил разнообразную военную помощь для осуществления операции в отношении Тайваня. Планируя сделать это в 1950 году, Мao аргументировал легкость достижения победы расчетами на восстание населения острова и самих гоминьдановских войск. И вновь Stalin ответил уклончиво. На просьбу китайского лидера направить своих летчиков-волонтеров или секретные воинские части для ускорения захвата Тайваня советский вождь заявил, что оказание помощи не исключено, но формы помощи надо обдумать. После подписания договора в Китай для организации ПВО Шанхая от налетов гоминьдановской авиации с Тайваня была срочно

⁸¹ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 267–268.

⁸² Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 269.

⁸³ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 270–271.

командирована группа советских войск общей численностью более 4 тыс. человек. В ее состав входила авиадивизия и другие подразделения.

Теперь, мне кажется, стоит отметить, что не все во время пребывания Мао в Советском Союзе было гладко. Об этом есть некоторые конкретные свидетельства И.В. Ковалева — представителя Сталина при ЦК КПК. Приведу лишь несколько эпизодов, о которых чуть ли не через 40 лет поведал сам Ковалев. Вот что он сообщил газете “Дуэль”.

“Когда я передал Мао слова Сталина, что тот готов в любую минуту встретиться с ним, Мао очень нервно реагировал на этот ответ Сталина и, в конечном счете, сделал такое заявление, что он готов в ближайшие дни покинуть Советский Союз. Он хотел, чтобы Stalin назначил ему прием и чтобы на приеме присутствовал я, и чтобы все вопросы, какие нужно было изложить, повторяю, об экономической помощи Китаю, исходили бы от меня как от советника, там, на месте, изучавшего эту проблему. Сложность была еще и в том, что он воздерживался от звонков Stalinу, а Stalin воздерживался от звонков ему. И таким образом, были длительные паузы, когда Мао оставался на даче в одиночестве, как бы в качестве узника. Когда я рассказал об этом Stalinу, он ответил: «Вам надо бывать там чаще», однако каких-либо перемен, изменений режима в пребывании Мао не произошло, и Мао по-прежнему находился по существу в одиночестве. Эта изоляция продолжалась и во время его поездки в Ленинград”⁸⁴.

По словам Ковалева, Stalin рассматривал Мао как человека, который относится без особого уважения к Stalinу; он, по-видимому, рассматривал его как незрелого марксиста-ленинца, но открыто это не высказывал. Он хотел показать, что, так сказать, “ты не я, мы на равных с тобой разговаривать не будем, ты у меня посишишь и подождешь, пока я тебя приму. Или проси — я приеду сам”⁸⁵.

И что вызывает крайнее недоумение, так это заявление Ковалева о том, что Stalin фактически “сдал” члена Политбюро ЦК КПК Гао Гана, снабжившего Stalinа секретной информацией о положении внутри руководства китайской компартии и другими важными сведениями. Ковалев замечает: “До сих пор не могу понять только один момент. Stalin, прощаясь с Мао, передал ему папку с материалами Гао Гана, хотя не мог он не понимать, что тем самым отдает верного марксиста-ленинца и надежного друга СССР на растерзание политическим противникам”⁸⁶.

Словом, не все было так гладко, как пыталась представить пропаганда. Но главное было достигнуто — был заключен договор и ряд важных соглашений.

Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР был подписан 14 февраля 1950 г. Он состоял из 6 статей. В соответствии с 1-й статьей обе стороны совместно будут предпринимать все имеющиеся в их распоряжении необходимые меры в целях недопущения повторения агрессии и нарушения мира со стороны Японии или любого другого государства, которое прямо или косвенно объединилось бы с Японией в актах агрессии. В случае, если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется нападению со стороны Японии или союзных с ней государств, и она окажется, таким образом, в состоянии войны, то другая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет военную и иную помощь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.⁸⁷ Статья 2 договора выражала

⁸⁴ Газета “Дуэль” 8 апреля 1997 г. № 7(29). (Электронная версия).

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Полные тексты договора, коммюнике и ряда подписанных соглашений помещены в издании **Советско-китайские отношения...** Т. V. Книга 2. С. 296–313.

ла стремление обеих стран к скорейшему заключению мирного договора с Японией. Статья 3 гласила, что обе стороны не будут заключать какого-либо союза, направленного против другой Стороны, а также не будут участвовать в каких-либо коалициях, а также в действиях или мероприятиях, направленных против другой Стороны. Статья 4 предусматривала взаимные консультации друг с другом по всем важным международным вопросам, затрагивающим общие интересы Советского Союза и Китая. В статье 5 обе стороны брали на себя обязательство в духе дружбы и сотрудничества и в соответствии с принципами равноправия, взаимных интересов, а также взаимного уважения государственного суверенитета и территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела другой Стороны — развивать и укреплять экономические и культурные связи между Советским Союзом и Китаем, оказывать друг другу всякую возможную экономическую помощь и осуществлять необходимое экономическое сотрудничество. Статья 6 гласила, что настоящий Договор вступает в силу немедленно со дня его ратификации; обмен ратификационными грамотами будет произведен в Пекине.

Настоящий Договор остается в силе в течение 30 лет, причем, если одна из Договаривающихся Сторон за год до истечения срока не заявит о желании денонсировать Договор, то он будет продолжать оставаться в силе в течение 5 лет и в соответствии с этим правилом будет пролонгироваться.

Как известно после истечения срока действия договора он не был пролонгирован, и таким образом, стал достоянием истории.

Помимо договора были подписаны также Соглашения о Китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем, в силу которого после подписания мирного договора с Японией Китайская Чанчуньская железная дорога передается в полную собственность Китайской Народной Республики, а советские войска выводятся из Порт-Артура, и Соглашение о предоставлении правительству Советского Союза правительству Китайской Народной Республики долгосрочного экономического кредита для оплаты поставок промышленного и железнодорожного оборудования из СССР.

В связи с подписанием Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи и Соглашения о Китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем г. министры иностранных дел двух государств А.Я. Вышинский и Чжоу Эньтай обменялись нотами о том, что заключенные 14 августа 1945 года между Китаем и Советским Союзом соответствующие Договор и Соглашения потеряли силу, а также, что оба правительства констатируют полную обеспеченность независимого положения Монгольской Народной Республики в результате референдума 1945 года и установления с ней дипломатических отношений Китайской Народной Республикой.

Что касается 300-миллионного кредита в американских долларах, то в соглашении о нем указывалось, что кредит предоставляется в течение пяти лет, начиная с 1 января 1950 года, равными частями по 1/5 кредита в течение каждого года для оплаты поставок из СССР оборудования и материалов, в том числе оборудования для электростанций, металлургических и машиностроительных заводов, оборудования шахт для добычи угля и руд, железнодорожного и другого транспортного оборудования, рельсов и других материалов для восстановления и развития народного хозяйства Китая.

В заключении приведу некоторые детали, связанные с завершением визита Мао Цзэдуна в Москву, поведанные Н.Т. Федоренко:

“Приближалась февральская дата – день подписания Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Советским Союзом и Китаем.

– Нам хотелось бы, товарищ Сталин, устроить небольшой приём после подписания договора, – обратился Мао Цзэдун с этой просьбой во время очередной встречи.

– Естественно, – сказал хозяин.

– Но не в Кремле, где меня разместили, а в другом месте, например, в “Метрополе”.

– А почему не в Кремле?

– Видите ли, товарищ Сталин, Кремль – это место государственных приемов Советского правительства. Не совсем это подходящее для нашей страны – суверенного государства...

– Да, но я никогда не посещаю приемов в ресторанах или в иностранных посольствах. Никогда...

– Наш прием без вас, товарищ Сталин... Нет, нет, просто немыслимо.

– Мы вас просим, очень просим, пожалуйста, согласитесь, – настаивал Мао Цзэдун.

Наступила пауза, с ответом Сталин не спешил. Он как бы сосредоточивался. Мао Цзэдун исповедально ждал согласия хозяина, не сводя с него глаз.

– Хорошо, товарищ Мао Цзэдун, я приду, если вы этого так хотите, – произнес Сталин наконец и заговорил на другую тему. Так был нарушен собственный обет, который Сталин неукоснительно соблюдал весь свой век”⁸⁸.

И завершает свое интересное повествование Н.Т. Федоренко следующим аккордным пассажем:

“И я повел Сталина... в банкетный зал, где его встретили громкими рукоплесканиями и шумными возгласами восторга. Это было всеобщее ликование – и мрачных пессимистов, и очень осторожных оптимистов. На какой-то миг Сталин остановился, окунул взглядом собравшихся. Он попросил меня провести его к Мао Цзэдуну, который стоял за длинным столом “президиума”. Они поздоровались, пожали друг другу руки и обменялись общими фразами относительно здоровья и дел. Затем китайские товарищи во главе с Чжоу Эньлаем начали подходить к Сталину, чтобы поздороваться и обменяться рукопожатиями. Настроение у всех было приподнятое. На некотором отдалении стояла когорта: Берия, Маленков, Хрущев, Ворошилов, Микоян, Шверник, Суслов, Булганин.

Начались тосты. Слышались громкие здравицы. Один за другим провозглашались спичи. Все ораторы, и не только они, не сводили глаз с двух фигур, стоявших рядом и время от времени вступавших в разговор. Это были различные реплики, в основном из уст Сталина. Наконец, Сталин, видимо, утомился от нескончаемых оваций восторженной аудитории, стал как бы взывать глазами – не пора ли остановиться. Но тщетно. Ничего похожего. В ответ лишь новые волны оваций.

Все с нетерпением ждали самого главного – слова Сталина. Именно он должен и может сказать нечто сокровенное, что выразит истину момента, глубокий смысл исторического события. И это мгновение наступило. Прикоснувшись к бокалу с вином, Сталин сделал жест рукой – внимание, мой час.

Он провозгласил тост за Мао Цзэдуна, за успехи Китайской Народной Республики.

И все дружно осушили до дна. Снова раздался взрыв аплодисментов, востор-

⁸⁸ Н. Т. Федоренко. Ночные беседы. С. 145–146.

женных возгласов и общего ликования”⁸⁹. Через пару дней после подписания договора Мао покинул не очень гостеприимную Москву и ее не менее радушного хозяина. При отъезде Мао Цзэдун произнес речь. В ней он дал оценку договору, заявив: “Все видят, что сплочение великих китайского и советского народов, закрепленное Договором, является долговечным, нерушимым и непоколебимым. Это сплочение неизбежно повлияет не только на процветание великих держав Китая и Советского Союза, а также на будущность всего человечества и поведет к победе справедливости и мира во всем мире.” Закончил он свою речь стандартными дифирамбами в честь советского вождя — “Да здравствует учитель революции во всем мире, лучший друг китайского народа товарищ Сталин!”

История отношений Сталина и Мао Цзэдуна — это, конечно, не копия отношений между двумя великими государствами. Но она в немалой степени помогает многое понять из того, как складывались и развивались по самым разным направляющим эти отношения. От нерушимой дружбы к неистовой враждебности и даже пограничным столкновениям. Но, как говорится, что было, то было — историю не переделаешь.

6. Сталин и война в Корее

Война в Корее была, можно сказать, последним серьезным испытанием для Сталина в области мировой политики. После заключения договора с Китаем обстановка на Дальнем Востоке оставалась напряженной, что объяснялось тем, что китайские коммунисты активно готовились к высадке на Тайвань. Stalin к их планам относился двояко: с одной стороны, он не высказывал выражений, с другой стороны, перспектива новой войны, в которую так или иначе будет вовлечен Советский Союз, его отнюдь не прельщала.

Но как бы неожиданно (только на первый поверхностный взгляд) угроза войны надвинулась с другой стороны. 25 июня 1950 г. мировая общественность с тревогой узнала о начале войны в Корее. Проблема того, кто ее начал, имеет традиционное решение: Советский Союз, Китай и страны народной демократии, а также так называемые прогрессивные силы мира однозначно назвали агрессором Южную Корею. Большинство же стран мира однозначно определили в качестве нападающей стороны Северную Корею. Мне кажется, что в мою задачу не входит выносить вердикт о том, кто начал войну, поэтому данную проблему я оставлю в стороне. Хотя, если судить по тому как развивались события на различных этапах этой войны, первыми выступили северные корейцы. Американский историк Ф. Шорт пишет: “Ситуация в Корее все меняла. Вашингтон еще мог закрыть глаза на то, что по общему признанию являлось продолжением гражданской войны в Китае. Но вряд ли стоило ожидать от США такого же поведения, если бы коммунистический режим в северной части полуострова решился бы на неприкрытую агрессию против юга — фактического протектората Америки. 27 июня Белый дом заявил, что направил в Южную Корею свои войска, а 7-й флот США возвьмет под свой контроль Тайваньский пролив.

Реакция Мао на эти заявления оказалась достаточно сдержанной. Для защиты мостов через реку Ялу китайские части противоздушной обороны были передислоцированы на приграничную полосу Северной Кореи, а в Маньчжурию на-

⁸⁹ Н. Т. Федоренко. Ночные беседы. С. 147–148.

правлено подкрепление с юга. Комментируя эти меры, один из китайских военачальников сказал, что “зонт лучше всего приготовить еще до того, как пойдет дождь”. От планов высадки десанта на остров Цюэймай пришлось отказаться”⁹⁰.

Особо следует оттенить активную и в целом агрессивную роль, которую во всей корейской авантюре играли США. Но это – тема специального исследования.

Одновременно с началом войны в боевых действиях стали принимать участие американские военно-воздушные и военно-морские силы под предлогом прикрытия эвакуации американских граждан, а на самом деле для помощи южнокорейскому режиму и оккупации Тайваня.

Положение все более осложнялось, поскольку северокорейские войска стремительно продвигались на юг и вскоре заняли столицу Южной Кореи Сеул. США предприняли самые энергичные действия, чтобы мобилизовать не только свои силы, но и привлечь к участию в корейской войне другие страны, используя механизм ООН. В отсутствие советского представителя была принята резолюция Совета Безопасности от 25 июня, которая обвиняла КНДР в нарушении мира, а Южную Корею обявляла жертвой агрессии. 27 июня была принята новая резолюция, рекомендовавшая членам ООН поддерживать южнокорейское правительство в военных действиях. 7 июля была принята резолюция, призывающая предоставить вооруженные силы и другие средства Объединенному командованию войск ООН.

И здесь заслуживает внимания позиция Сталина, который по всем критериям допустил самую грубую ошибку на закате своей деятельности по руководству внешней политикой. Этот эпизод описан в воспоминаниях А.А. Громыко. Советский представитель при ООН Я. Малик сообщил о намеченном срочном проведении заседания Совета Безопасности по корейскому вопросу и запрашивал инструкции, как ему действовать.

“Сталин, прочтя присланную из Нью-Йорка телеграмму советского представителя при ООН Я. А. Малика, позвонил вечером мне:

– Товарищ Громыко, какую, по вашему мнению, в данном случае следует дать директиву?

Я сказал:

– Министерством иностранных дел, товарищ Сталин, уже подготовлена на ваше утверждение директива, суть которой сводится, во-первых, к решительному отклонению упреков по адресу КНДР и Советского Союза и к столь же решительному обвинению США в соучастии в развязывании агрессии против КНДР. Во-вторых, в случае, если в Совет Безопасности будет внесено предложение о принятии решения, направленного против КНДР либо против этой страны и СССР, Малик должен применить право вето и не допустить принятия такого решения.

Сказав это, я ждал реакции Сталина. Он заявил:

– По моему мнению, советскому представителю не следует принимать участия в заседании Совета Безопасности.

Тут же он в жестких выражениях высказался по адресу Вашингтона за его враждебное к нашей стране и КНДР письмо Совету Безопасности.

Мне пришлось обратить внимание Сталина на важное обстоятельство:

– В отсутствие нашего представителя Совет Безопасности может принять любое решение, вплоть до посылки в Южную Корею войск из других стран под личиной “войск ООН”.

⁹⁰ Филип Шорт. Мао Цзэдун. С. 386.

Но на Сталина этот довод особого впечатления не произвел. Я почувствовал, что менять свою точку зрения он не собирается.

Затем Сталин фактически продиктовал директиву, хотя обычно он прибегал к такому способу редко. Текст директивы минут через сорок и направили нашему представителю в Совете Безопасности.

Как известно, случилось то, о чем я предупреждал Сталина. Совет принял решение, навязанное Вашингтоном, а на воинские контингенты разных стран, направленные в Южную Корею, приклеили этикетку "войск ООН". Конечно, в этом случае Stalin не лучшим образом рассчитал свой шаг, явно продиктованный эмоциями. Казалось бы, это не соответствовало складу его ума. Но так было⁹¹.

Видимо, чувство здравого смысла в данном случае покинуло Сталина, и он утратил присущие ему осторожность и осмотрительность – иначе он не пошел бы на такой беспрецедентный и явно проигрышный шаг, поскольку СССР оказался как бы вне игры и все вопросы решались в Совете Безопасности вопреки его интересам.

4 июля 1950 г. правительство СССР выступило с заявлением об американской вооруженной интервенции в Корее, в котором разоблачались действия США, незаконность резолюций Совета Безопасности, содержалось требование прекращения агрессии и немедленного вывода иностранных войск из Кореи. Эта и другие официальные дипломатические акции Советского Союза были поддержаны правительствами КНР и КНДР и, конечно, всеми социалистическими странами. Какой-то отклик данные выступления получили, однако серьезного эффекта, а тем более реальных последствий не имели. Но позитивным явилось то, что многие мировые круги выступили с инициативой положить конец военным акциям. Так, 13 июля в обращении премьер-министра Индии Дж. Неру к правительствам СССР и США предлагалось прекратить военные действия в Корее путем переговоров с участием КНР.

Сталин счел необходимым лично откликнуться на призыв Неру. 15 июня 1950 г. он направил ему послание следующего содержания: "Приветствую Вашу мирную инициативу. Вполне разделяю Вашу точку зрения насчет целесообразности мирного урегулирования корейского вопроса через Совет Безопасности с обязательным участием пяти великих держав, в том числе Народного правительства Китая. Полагаю, что для быстрого урегулирования корейского вопроса целесообразно было бы заслушать в Совете Безопасности представителей корейского народа.

Уважающий Вас

И. СТАЛИН, премьер-министр Советского Союза"⁹².

Активную дипломатическую деятельность развернул и Китай. КНР, стремясь предотвратить распространение агрессии США на свою территорию, предприняла некоторые дипломатические шаги. 25 сентября премьер Чжоу Эньлай сообщил индийскому послу, что, если американские войска перейдут 38-ю параллель, Китай вынужден будет дать отпор агрессии. Китайское правительство телеграфировало также в ООН о необходимости принять срочные меры для предотвращения расширения войны. Все это можно было расценивать как серьезное намерение

⁹¹ А.А. Громыко. Памятное. Книга первая. С. 206–207.

⁹² И. Сталин. Соч. Т. 16. С. 139.

китайского руководства принять непосредственное участие в вооруженной борьбе корейского народа, если военные действия приблизятся к границам Китая.

Естественно, что Китай не мог остаться равнодушным в связи с обстановкой, создавшейся в результате вторжения в Корею Соединенных Штатов и их союзников, в связи с угрозой расширения войны, и мобилизовал различные пропагандистские средства с целью продемонстрировать миру свою готовность дать отпор агрессии вооруженным путем. В течение нескольких недель, особенно в начале октября 1950 г., в период наступления войск Макартура, в китайской прессе публиковались статьи, в которых подчеркивалась необходимость вступления КНР в войну с целью оказания помощи корейскому народу.

Все дело объяснялось тем, что за кратковременными и, казалось, блестящими успехами северокорейской армии, наступил коренной перелом в ходе военных действий. Американцы высадили крупный десант и повели мощное наступление, оттесняя войска Ким Ир Сена к северу. Вскоре они заняли столицу КНДР Пхеньян и были совсем недалеко от границ Китая.

Еще ранее Сталин направил советскому послу в Корее и главному советскому военному советнику телеграмму, в которой сурово предупреждал: "Серьезная обстановка, сложившаяся за последние дни на фронте Корейской Народной Армии, как в районе Сеула, так и на юго-востоке, в значительной степени является следствием допущенных крупных ошибок со стороны командования фронтом, командования армейских групп и войсковых соединений как в вопросах управления войсками, так и особенно в вопросах тактики их боевого использования.

В этих ошибках еще более повинны наши военные советники. Наши военные советники не добились точного и своевременного выполнения приказа Главкома о выводе с основного фронта в район Сеула четырех дивизий, тогда как полная возможность к этому в момент принятия решения была, ввиду этого было потеряно семь дней, что и принесло американцам под Сеулом большую тактическую выгоду. Своевременный же вывод этих дивизий мог в корне изменить обстановку под Сеулом..."⁹³.

Перед Китаем всталась серьезная дилемма — как ему действовать? Мао и практически все китайское руководство не проявляло особого желания вступать в войну, тем более что они готовились к проведению операции по освобождению Тайваня. Но теперь уже многое зависело не от них и их планов. На Пекин оказывал жесткое давление Сталин. Как раз в первую годовщину образования КНР он направил китайскому руководству следующую телеграмму:

"Для немедленной передачи МАО ЦЗЭДУНУ или ЧЖОУ ЭНЬЛАЮ.

Я нахожусь далеко от Москвы в отпуску и несколько оторван от событий в Корее. Однако, по поступившим ко мне сегодня сведениям из Москвы, я вижу, что положение у корейских товариществ становится отчаянным.

Москва еще 16 сентября предупреждала корейских товариществ, что высадка американцев в Чемульпо имеет большое значение и преследует цель отрезать первую и вторую армейские группы северокорейцев от их тылов на севере. Москва предупреждала немедленно отвести с юга хотя бы четыре дивизии, создать фронт севернее и восточнее Сеула, постепенно отвести потом большую часть южных войск на север и таким образом обеспечить 38 параллель. Но командование 1 и 2 армейских групп не выполнило приказа Ким Ир Сена об отводе частей на север, и это дало возможность американцам отрезать войска и окружить их. В районе

⁹³ И. Сталин. Соч. Т. 18. С. 547.

Сеула у корейских товарищев нет каких-либо войск, способных на сопротивление, и путь в сторону 38 параллели нужно считать открытым.

Я думаю, что если Вы по нынешней обстановке считаете возможным оказать корейцам помощь войсками, то следовало бы немедля двинуть к 38 параллели хотя бы пять-шесть дивизий с тем, чтобы дать корейским товарищам возможность организовать под прикрытием ваших войск войсковые резервы севернее 38 параллели. Китайские дивизии могли бы фигурировать, как добровольные, конечно, с китайским командованием во главе.

Я ничего не сообщал и не думаю сообщать об этом корейским товарищам, но я не сомневаюсь, что они будут рады, когда узнают об этом.

Жду Вашего ответа.

Привет Филиппов⁹⁴.

Ответ от Мао поступил на следующий же день. Он был выдержан в осторожных выражениях, но суть его сводилась к тому, что Китай считает вступление в войну делом весьма рискованным, способным серьезно осложнить и без того сложную и опасную ситуацию. Мао писал: "Ваша телеграмма от 1.10.50 г. получена. Мы первоначально планировали двинуть несколько добровольческих дивизий в Северную Корею для оказания помощи корейским товарищам, когда противник выступит севернее 38 параллели.

Однако, тщательно продумав, считаем теперь, что такого рода действия могут вызвать крайне серьезные последствия.

Во-первых, некоторыми дивизиями очень трудно разрешить корейский вопрос (оснащение наших войск весьма слабое, нет уверенности в успехе военной операции с американскими войсками), противник может заставить нас отступить.

Во-вторых, наиболее вероятно, что это вызовет открытое столкновение США и Китая, вследствие чего Советский Союз также может быть втянут в войну, и таким образом вопрос стал бы крайне большим.

Многие товарищи в ЦК КПК считают, что здесь необходимо проявить осторожность.

Конечно, не послать наши войска для оказания помощи — очень плохо для корейских товарищев, находящихся в настоящее время в таком затруднительном положении, и мы сами весьма это переживаем; если же мы выдвинем несколько дивизий, а противник заставит нас отступить, к тому же это вызовет открытое столкновение между США и Китаем, то весь наш план мирного строительства полностью сорвется, в стране очень многие будут недовольны (раны, нанесенные народу войной, не залечены, нужен мир).

Поэтому лучше сейчас перетерпеть, войска не выдвигать, активно готовить силы, что будет благоприятнее во время войны с противником.

Корея же, временно перенеся поражение, изменит форму борьбы на партизанскую войну⁹⁵.

Но Сталин продолжал оказывать мощное давление на китайцев. В конце концов 7 октября он получил от Мао послание, в котором последний заявил, что он пошлет в Корею не шесть, а девять дивизий, что он их пошлет не сейчас, а спустя некоторое время, что он просит Сталина принять его представителей и поговорить с ними подробно. Сталин, конечно, согласился принять представителей и обсудить с ними подробный план военной помощи для Кореи.

⁹⁴ И. Сталин. Соч. Т. 18. С. 550.

⁹⁵ И. Сталин. Соч. Т. 18. С. 551.

В итоге он добился своего. 14 октября 1950 г. через советского посла в КНДР Сталин сообщил Ким Ир Сену, что “после колебаний и ряда временных решений китайские товарищи наконец приняли окончательное решение об оказании Корее помощи войсками.

Я рад, что принято наконец окончательное и благоприятное для Кореи решение...

Конкретные вопросы, связанные с выступлением китайских войск, придется Вам решать совместно с китайскими товарищами.

Необходимая техника для китайских войск будет поставлена из СССР⁹⁶.

Уже к концу октября объединенные войска под эгидой ООН (главным образом США и Южной Кореи) находились у границ КНР. В такой критической обстановке вступление в войну китайских добровольцев стало неизбежным. 25 октября 1950 г. они присоединились к корейской Народной армии и вступили в непосредственное соприкосновение с противником. К этому времени командование Народной армии произвело переформирование и перевооружение частей за счет полученного от СССР вооружения, боеприпасов, новых транспортных средств и т. д. Подготовленные таким образом части корейской Народной армии и китайских добровольцев не только сорвали решительное наступление, о котором объявил командующий “войсками ООН” генерал Макартур, но и перешли в контрнаступление. К середине декабря 1950 г. территория КНДР к северу от 38-й параллели была освобождена.

Решительный перелом в военных действиях в Корее наступил в начале 1951 года. Корейская народная армия и части китайских добровольцев очистили территорию КНДР от так называемых войск объединенных сил, потери которых составили 598 тыс. человек.⁹⁷ (Не уверен, что приводимая цифра достоверна, однако замечу, что потери китайской и корейской стороны были еще большими, особенно пленными.) Логика и простой здравый смысл диктовали необходимость поиска выхода из образовавшегося тупика.

С мирной инициативой выступила Китайская Народная Республика. В феврале 1951 года с оценкой перспектив корейской войны выступил Сталин. На вопрос “Что Вы думаете об интервенции в Корее, чем она может кончиться?” Сталин ответил: “Если Англия и Соединенные Штаты Америки окончательно отклонят мирные предложения Народного правительства Китая, то война в Корее может кончиться лишь поражением интервентов”.

Вопрос. Почему? Разве американские и английские генералы и офицеры хуже китайских и корейских?

Ответ. Нет, не хуже. Американские и английские генералы и офицеры ничуть не хуже генералов и офицеров любой другой страны... В чем же дело? А в том, что войну против Кореи и Китая солдаты считают несправедливой... Дело в том, что эта война является крайне непопулярной среди американских и английских солдат.

В самом деле, трудно убедить солдат, что Китай, который не угрожает ни Англии, ни Америке и у которого захватили американцы остров Тайвань, является агрессором, а Соединенные Штаты Америки, которые захватили остров Тайвань и подвели свои войска к самым границам Китая, являются обороняющейся стороной. Трудно убедить солдат, что Соединенные Штаты Америки имеют пра-

⁹⁶ И. Сталин. Соч. Т. 18. С. 557.

⁹⁷ Внешняя политика и международные отношения КНР 1949–1963. Т. 1. М. 1974. С. 79.

во защищать свою безопасность на территории Кореи и у границ Китая, а Китай и Корея не имеют права защищать свою безопасность на своей собственной территории или у границ своего государства. Отсюда непопулярность войны среди англо-американских солдат”⁹⁸.

Для контрастности я приведу оценку боевых качеств американской армии, которую давал тот же Сталин в беседе с Чжоу Эньлаем в августе 1952 года. Тогда он говорил об американцах с чувством нескрываемого презрения: “...американцы вообще не способны вести большую войну, особенно после корейской войны. Вся их сила в налетах, атомной бомбе. Англия из-за Америки воевать не будет. Америка не может победить маленькую Корею. Нужна твердость в отношениях с американцами. Китайские товарищи должны знать, что если Америка не проиграет эту войну, то Тайваня китайцы никогда не получат. Американцы – это купцы. Каждый американский солдат – спекулянт, занимается куплей и продажей. Немцы в 20 дней завоевали Францию. США уже два года не могут справиться с маленькой Кореей. Какая же это сила? Главное вооружение американцев, шутливо замечает товарищ Сталин, это чулки, сигареты и прочие товары для продажи. Они хотят покорить весь мир, а не могут справиться с маленькой Кореей. Нет, американцы не умеют воевать. Особенно после корейской войны потеряли способность вести большую войну. Они надеются на атомную бомбу, авиационные налеты. Но этим войну не выиграть. Нужна пехота, но пехоты у них мало и она слаба. С маленькой Кореей воюют, а в США уже плачут. Что же будет, если они начнут большую войну? Тогда, пожалуй, все будут плакать”⁹⁹.

Но каковы бы ни были личные оценки Сталина качеств американских солдат, ситуация на полуострове оставалась крайне серьезной. Нужны были не демонстративные, а реальные шаги по достижению мира или перемирия. 23 июня 1951 г. представитель Советского Союза в ООН обратился с призывом начать переговоры между воюющими сторонами о прекращении огня, о перемирии с взаимным отводом войск от 38-й параллели. Правительства КНДР и КНР, поддерживая призыв Советского Союза, настаивали на скорейшем заключении соглашения о перемирии. Министр обороны США генерал Маршалл признал в своем выступлении перед сенатской комиссией в июле 1951 г., что заявление советского представителя при ООН “вызвало очень серьезную реакцию, против которой мы вынуждены были бороться, используя все средства”.

Угроза атомной войны вызвала огромное возмущение всех прогрессивных сил в мире. Более 500 млн. сторонников мира поставили свои подписи под Стокгольмским воззванием.

Относительные успехи КНА и китайских добровольцев, активная борьба Советского Союза за мирное решение корейского вопроса, резкие протесты мировой общественности, недовольство союзников, антивоенное движение в самих США, мирные предложения со стороны КНР и КНДР вынудили американское правительство встать на путь переговоров о перемирии в Корее. 10 июля 1951 г. начались переговоры, в которых принимали участие, с одной стороны, представители КНДР и китайских добровольцев, а с другой – США и Южной Кореи.¹⁰⁰

Переговоры были длительными и тяжелыми. Они перемежались с резкой активизацией боевых действий с обеих сторон. Особенно длительными были спо-

⁹⁸ И. Стalin. Соч. Т. 16. С. 146–147.

⁹⁹ Советско-китайские отношения... Т. V. Книга 2. С. 322.

¹⁰⁰ Внешняя политика и международные отношения КНР 1949–1963. Т. 1. С. 80.

ры по вопросу об обмене военнопленными. Но в конце концов все же удалось добиться соглашения о перемирии. 27 июля 1953 г. состоялось подписание соглашения о перемирии в Корее, в котором предусматривалось полное прекращение военных действий и всех враждебных актов в Корее до окончательного мирного урегулирования. С тех пор прошло уже более полувека, но мирного договора до сих пор нет. Это еще раз подчеркивает, что войны начинать легче, чем их заканчивать.

* * *

Завершая главу, полагаю, что нет необходимости делать какие-то широкие обобщения и выводы: они сами напрашиваются и вытекают из всего содержания приведенного материала. Stalin и здесь, как и в других ситуациях, предстает как личность широкого масштаба и поистине государственного мышления. Автор стремился не оставить вне поля зрения и серьезные ошибки и промахи вождя при подходе к китайской проблеме. Это было важно, чтобы историческая картина соответствовала реальностям эпохи.

Закончить главу мне хочется словами, которые приводил в своих воспоминаниях Ю.А. Жданов – сын А.А. Жданова и некоторое время зять Сталина. Он писал: “В 1952 году ко мне в гости пришел академик Павел Федорович Юдин, который был назначен советским послом в Пекине. Сказал он мне следующее: “Вчера вечером меня приглашал к себе товарищ Stalin. Он подчеркнул главную задачу и цель моей миссии в Пекине: “Как угодно, любой ценой сохранить и развить дружеские отношения с Китаем. Китай и мы – и социалистические преобразования во всем мире обеспечены. Любой ценой!”¹⁰¹

---

¹⁰¹ Ю.А. Жданов. Взгляд в прошлое. Ростов-на-Дону. 2004. С. 197.